

Развитие и сексуальность

Год издания и номер журнала: 2005, №1

Автор: Глуговский Д.В.

Проблемы сексуальности стали предметом научных исследований сравнительно недавно. Этому можно привести множество объяснений. Одно из них заключается в том, что сексуальность, с одной стороны, закрыта от объективного наблюдения высокоструктурированной системой запретов и регламентаций как социального, так и психологического происхождения, с другой, - сексуальность является сверхценной сферой в жизнедеятельности практически каждого человека, независимо от того, что он декларирует по этому поводу. Сюда же можно отнести и исключительную разноплановость сексуальных проявлений, что ведёт к значительным трудностям в определении предмета исследований. Так под сексуальностью можно понимать биологический половой акт и связанную с ним детородную функцию; можно - формирующий элемент психологических взаимодействий или, наоборот, социальных, когда речь идёт о семейных или профессиональных отношениях; можно изучать этнографические контексты и сравнивать этологические проявления гендерных взаимодействий. Вопросы сексуальности, так или иначе, присутствуют во множестве научных дисциплин от биологии и психотерапии до истории и теории эволюции.

Всё это естественным образом ведёт к мысли о совершенно особом значении сексуальности в формировании адекватного понимания действительности. Однако мысль эту можно отнести к разряду пожеланий, так как до сих пор не существует единой комплексной теории сексуальности, которая включала бы в себя все возможные аспекты проблемы и обобщала бы их в единую универсальную, внутренне непротиворечивую научную концепцию. Такой концепции в настоящее время нет, перед нами масса фрагментарных и, чаще всего, прикладных теорий, каждая из которых имеет не только достоинства, но и, увы, недостатки, преимущественно общеметодологического характера. Все они вместе не представляют собой целостного образования.

Но вполне вероятно, единая теория сексуальности, обобщающая все реально существующие аспекты проявления этого феномена, никогда и не будет создана. Более того, эта теория может оказаться просто не нужной, так как она являлась бы всего лишь частным случаем общей теории противоречия. В скобках скажем, что и эта теория также относится к разряду добрых пожеланий. На этом я мог бы закончить свои рассуждения, если бы заявленная тема, независимо от моего скепсиса, не была настолько интересной и актуальной.

Самой продуктивной попыткой увидеть сексуальность как ключевой момент человеческих отношений и даже - исторического развития был, безусловно, психоанализ. Но, несмотря на исключительную плодотворность, эта теория оказалась, в силу объективных причин не только научного, но и социального характера, недостаточно последовательной и универсальной. Это привело, с одной стороны, к ожесточённой критике фрейдизма с самых различных

позиций, с другой - к редукции, прежде всего её философских обоснований, к растаскиванию её на отдельные, недостаточно между собой связанные профанные постулаты и максимы. Но не будем забывать, что психоанализ и не мог стать мировоззренческим учением, так как с самого своего возникновения он обосновывался как теория, подкрепляющая определённую психотерапевтическую практику. Широко известно, что сам Фрейд предпринимал попытки глобальных исторических обобщений, но они изначально были обречены на фрагментарность, так как в самом психоанализе не было достаточного инструментария для выводов такого уровня абстракции.

Обращает на себя внимание то, что во всём многообразии взглядов на сексуальность практически отсутствует философская теория сексуальности. В философии этот предмет либо не рассматривается вовсе; либо рассматривается, но как частная и второстепенная тема; либо иллюстрирует какие-либо закономерности более общего характера; либо и вовсе используется для эпатирования научного сообщества.

Философская теория сексуальности, выстроенная как логическая, обобщённая спекулятивная конструкция, могла бы оказаться способной соединить различные подходы и методы в исследовании сексуальности и послужить основой для создания единой концепции. Однако проблема состоит в том, что философия уже давно перестала существовать как единая наука с универсальным конвенциональным аппаратом, объединяющим все направления и ответвления исследований. Множественность точек зрения и методов построения дискурса приводит к тому, что любые попытки универсальных обобщений могут быть убедительно опровергнуты с позиции каких-либо других, таких же универсальных обобщений, которые, в свою очередь, окажутся неверными с позиции третьих. Из этой ситуации нет приемлемого выхода, так как продуктивная критика возможна только "изнутри" представленного дискурса при обязательном использовании его аппаратных средств. Фактически, мы поставлены перед выбором: либо мы верим выводу и поэтому его принимаем как валидный, либо не верим и поэтому не принимаем.

Также следует иметь в виду, что любое философское рассуждение всегда тяготеет к абсолютизации и описывает тенденции, которые не завершены актуально, но имеют завершение в потенции, описывает их на абстрактном понятийном уровне, и поэтому апелляции к здравому смыслу и очевидности или ссылки на конкретную реальную действительность далеко не всегда оказываются убедительными опровержениями теоретических положений.

1

Начнём с самых общих вещей. Вся человеческая история может быть представлена как динамическое противоречие двух противоположных функций: функции сохранения и развития человека как биологического вида и функции развития биологического вида в социальное, надбиологическое единство, включающее в себя как биологическую составляющую, так и некое новое

качество, выделяющее вид в уникальное явление природы. Это общетеоретическое противоречие отразилось в частной форме и в структуре человеческого индивида в биполярности его психических и телесных функций.

Психику обычно условно разделяют на бессознательную и сознательную компоненты, что интерпретируется в логике как интуитивный и дискурсивный типы мышления, или индуктивный и дедуктивный. Эта парадигма может также быть истолкована как противоположность архаичных, биологизированных форм отражения и форм современных, структурированных как вторая сигнальная система, как знаковость, вербальность коммуникаций и внутриспсихических актов. Бессознательные проявления психики можно отнести к изначально обусловленным биологическими процессами, так как эти процессы жёстко регламентированы системой инстинктивной, генотипической регуляции организма.

Следует с осторожностью относиться к использованию понятий первичности-вторичности в данном контексте, так как бессознательное-сознательное организованы как динамическое противоречие и взаимодействуют как тезис и антитезис." Это означает, что обе составляющие противоречия актуальны в данной системе, и только теоретически мы можем предполагать какая из них относится к прошлому, а какая - к будущему. Впрочем, в обыденной жизни такие вопросы не возникают.

Это внутриспсихическое противоречие реализуется в противоречивом же характере деятельности индивида и в способах её целеполагания. Можно утверждать, что в философском контексте все типы деятельности прямо или опосредованно имеют целью либо сохранение оптимальных условий производства и воспроизводства жизни вида и индивида, либо - экспансию, то есть получение преимущества, улучшение этих условий за счёт подавления внешних по отношению к виду (индивиду), сопредельных ему факторов. Противоречие же в способах деятельности заключено в том, что человек представляет собой одновременно и биологический и социальный организм, поэтому и оптимизация деятельности, и видовая экспансия могут быть направлены как на усиление социальных структур взаимодействий, так и на такое же усиление структур биологического уровня.

Но мы знаем, что две эти формы не совпадают, более того, они противостоят друг другу. Биологическая функциональность, основанная на генотипических закономерностях, имеющих фиксированный, устойчивый характер, присущих всем без исключения особям данного вида, не поддаётся корректировке в процессе жизнедеятельности отдельной особи и может быть изменена только на уровне вида в целом через механизм мутации. Социально обусловленные функции выстроены на противоположном принципе: основным агентом трансформации выступает индивид, общевидовые же - как биологические, так и, в данном случае, общественные - регламентации являются тормозом для накопления видовой информации посредством онтогенетических изменений. Биологически человек идентифицируется как принадлежащий виду через

полное соответствие генетической структуре, социальная же идентификация реализуется противоположным образом - от общего к частному, через индивидуацию.

Такая двойственность внутренних оснований определяет человека как некое промежуточное, переходное существо, уже не вполне биологическое, но ещё и не вполне социальное. Эта незавершённость, противоречивость также определяет характер и интенсивность развития цивилизации.

Подобные рассуждения могут показаться излишне тривиальными и абстрактными, но они имеют самое непосредственное отношение к нашей теме.

Я уже говорил о том, что всякая деятельность может быть сведена в конечном итоге либо к охранной функции, либо к функции экспансии. Эти цели осуществляет любой вид, любой живой организм. Но принципиальное отличие человека от всей остальной живой природы заключается в том, что само понятие производства жизни у человека неоднозначно, оно включает в себя как производство биологических форм, так и производство форм социальных. В первом случае механизм производства осуществляется путём реализации генетических структурных закономерностей, присутствующих как изначально фиксированный видовой код, как, в основном, физиологический механизм межиндивидуальных коммуникаций и взаимодействий индивида с окружающей средой, который может только отражаться в психике, но не может быть продуктивно изменён в результате такого отражения. Этот механизм основан на половом различии всех особей вида, при котором функции каждого из полов строго и однозначно определены. Вне этого механизма производство жизни принципиально невозможно. Поэтому межполовые отношения всех дочеловеческих бисексуальных видов являются основной и самой непреложной из целей любых видов жизнедеятельности. В этом контексте можно утверждать, что любая активность организма в той или иной степени опосредована взаимодействиями полов.

Производство социальных форм жизни не обусловлено генотипическими структурами, оно противоречит биологическим закономерностям. Его субъектом является не физиологическая, а психологическая реализация индивида, так как это производство имеет основанием накопление признаков через индивидуальную жизнедеятельность и закрепление их не в биологическом генотипе, а в социальных структурах, внешних по отношению к индивиду. Половые различия играют в этом случае второстепенную роль и даже оказываются помехой в адаптации и функционировании индивида в социальном контексте. Таким образом, биологическое и социальное начала в человеке противоречат друг другу не только в теоретическом плане, но и в повседневной жизни.¹

Производство социальных форм жизни постепенно отчуждается от индивида в виде общественных институтов (религия, политика, право, экономика и т.п.), которые приобретают характеристики самодвижущихся, саморазвивающихся

подсистем, составляющих основу социума. Индивид становится не только субъектом, но и объектом, страдательным началом этого развития. Социальные закономерности становятся регламентирующими жизнедеятельность отдельного индивида, они образуют динамическую структуру по форме аналогичную биологическому генотипу. Они превращаются в жёстко фиксированные на индивидуальные императивные образования, не подверженные коррекции и трансформации со стороны отдельных индивидов. Условно мы можем назвать их социальным генотипом, охраняющим противоположную биологической функциональность вида, или - генотипом наизнанку.

Таким образом, в биологическом и социальном развитии противоречат не цели (они и в том, и в другом случае одни и те же - сохранение и экспансия вида), а формы, условия их достижения. Социальное производство подавляет, нивелирует биологическую (в первую очередь, половую) принадлежность индивида, провоцирует в нём небιологические, частные проявления. Производство же биологическое, наоборот, подавляет всяческие фенотипические отклонения и предполагает полную физиологическую унификацию индивида, которая практически невозможна вне единообразия форм жизнедеятельности и, следовательно, - психического единообразия.

Здесь следует оговориться, что это противоречие присуще не только человеку как виду, оно универсально для всей биологической природы. Мы можем отмечать его от едва различимых форм у простейших до весьма развитых форм социального сосуществования у высших видов. Но накопление признака обретает новое качество только у человека.

В определённый момент исторического развития социальность организуется в самостоятельную, автономную, ускоренную по отношению к биологической системность, которая обретает способность к саморазвитию, и тогда человек, будучи изначально принадлежащим к двум антагонистическим формам жизни, теряет свойство субъектности и перестаёт оказывать формирующее влияние на действительность, так как не может отказаться от своих биологических оснований в пользу социальных.

Вспомним прошлые дискуссии о том, насколько отдельная личность может повлиять на социальное развитие. Можно утверждать, что с течением исторического времени такая возможность уменьшается и сходит на нет. Если совсем ещё недавно у нас присутствовала уверенность в том, что прогресс, в самом широком понимании, инициируется нашей активностью, и он есть безусловное благо, то теперь приходит понимание того, что прогресс есть некая самодвижущаяся ценность, которая развивается по своим законам, которые далеко не всегда адекватно осознаются и с трудом прогнозируются. Но такое изменение оценок происходит не оттого, что мы стали умнее, а оттого, что изменилась диспозиция конфликтующих сторон описываемого в данном тексте противоречия.

Вплоть до последнего времени сексуальные взаимодействия оставались сакральной областью человеческих отношений. Это было закреплено практически во всех этических системах как религиозных, так и светских. Причину этого мы отнесём к степени приоритетности одной формы производства жизни над другой формой, а также к тому, что социальное производство в потенции всегда угрожало производству биологическому. Проще говоря, как бы ни развивались общественные отношения, вид должен биологически воспроизводиться. У дочеловеческих видов сексуальная жизнь совершенно открыта, она не табуируется и осуществляется в ряду всех прочих биологических проявлений. Можно с достаточной степенью вероятности предположить, что и в раннем человеческом обществе сексуальные проявления не подвергались никаким запретам. Сакрализация возникает вместе с социализацией. Она имеет не эстетическую функцию, как стало казаться в новые времена, а защитную, так как в контексте существования человека как вида социального его общественное функционирование оказывается более важным, чем функционирование биологическое. Кстати, такому же табуированию подверглись и другие биологические проявления. Мы тщательно прячем свои выделения, запахи, предпочитаем не думать о том, что наша пища представляет собой продукт насилия над другими видами и т.д.

Цивилизация возникла и развивалась постольку, поскольку возникли и развивались социальные формы жизнедеятельности. Именно эти формы явились границей, отделившей человека от всего остального мира, именно они закрепили его исключительное положение и обеспечили беспрецедентную экспансию одного вида по отношению ко всем остальным. В биологическом отношении человек, как вид, не имеет ровно никаких преимуществ перед другими видами и представляет собой рядоположное явление. Поэтому совершенно естественно, что производство социальных структур, их расширение и универсализация стали абсолютной ценностью и главной целью развития цивилизации, реально воплощающейся в практике, независимо от её осознания как таковой и независимо от того, насколько адекватно она отражалась в политическом, религиозном или правовом рефлексировании.

Разумеется, при этом незыблемой оставалась необходимость биологической формы производства жизни, так как в случае деградации человечества как биологического вида неизбежна и последующая деградация его как вида социального. Но мы говорим о приоритетности в развитии одной из форм производства жизни, а не об их фиксированном актуальном соотношении, раз и навсегда данном. Биологическая форма в рамках цивилизации развиваться не может, так как человек, как вид, исключён из общеприродных биологических взаимодействий. Он не противостоит, как биологический вид, другим биологическим видам, но противостоит как вид социальный. Степень интенсивности и успешности противостояния может иметь множество градаций - от вспомогательного значения социальных факторов во взаимодействии человека с окружающей средой до, к настоящему моменту ещё не достигнутой, абсолютной экспансии человека над всеми формами природных взаимодействий.

На фоне закреплённых, относительно неподвижных механизмов биологических форм жизнедеятельности социальная обусловленность человеческого существования возрастает всё ускоряющимися темпами. При этом происходит не только падение абсолютной значимости биологической саморегуляции вида, но и перевод части её функций в область регуляции, а затем и саморегуляции социальной. Изначально находящиеся в контексте биологической функциональности потребности в защите тела от неблагоприятных внешних воздействий, в добывании пищи и прочие уже давно реализуются в рамках социальных механизмов. Конечно же, в такой ситуации витальные потребности человека не могут не социализироваться, не отодвигаться на второй план, их отправление неизбежно приобретает в этических системах характеристики низменности, постыдности. Возникают такие характеристики в интересах не биологической, а социальной составляющей индивида, в подкрепление механизмов социального производства и воспроизводства.

Индивид вынужден мириться с такой редукцией его биологической функциональности, так как его защищённость от окружающего, а также удовлетворение его естественных, биологических потребностей и возникающих сверхпотребностей всё меньше регулируется его физическими и биологическими взаимодействиями с окружающей средой и всё больше - социальными. Ради достижения благополучия в рамках цивилизованного общества индивиду приходится жертвовать частью своей биологической функциональности и физиологической автономности. Эта переориентация происходит медленно, но неизбежно, человек постепенно теряет свойства биологического существа. Это рассуждение, разумеется, не означает что мы уже перестали или вот-вот перестанем подчиняться биологическим законам. Речь идёт о тенденции, которая никогда не осуществится в полной мере, но, тем не менее, явно присутствует в современном развитии и определяет его. Это достаточно просто проиллюстрировать.

3

Базовым свойством, отличающим биологическую и социальную системности в рамках одного вида, является способ активности, направленный на окружающую действительность. Предположим, что существует некое существо, которое может реализовать в чистом виде либо тот, либо другой способы.

Биологические взаимодействия предполагают прямые и непосредственные, неотсроченные контакты между их участниками (под биологическими мы, в данном случае, будем понимать также и взаимодействия, где один из участников биологическое существо, а другой принадлежит к добиологическим, физическим формам материи). Скажем, для удовлетворения голода животное либо убивает другое животное, либо поедает растения. И в том, и в другом случае оно потребляет продукты, данные ему в готовом виде, не требующие предварительной переработки. Спасаясь от непогоды или опасности, животное также использует естественные природные укрытия, минимально приспособивая их к своим потребностям. Однако, основным показателем

биологичности является не "естественное потребление", а то, что в таких взаимодействиях индивид выступает абсолютным субъектом отношений и остаётся всегда одиноким в своём противостоянии объекту потребности, так как он потребляет, прежде всего, как представитель вида, и только во вторую очередь - как индивид.

Это объясняется тем, что каждая особь данного вида обладает в полной мере всеми возможностями любой другой генетически подобной ей особи, и поэтому кооперация нескольких или многих особей для совместных действий либо не облегчает удовлетворение потребностей вовсе, либо облегчает, но при этом сказывается как количественное увеличение усилий, но не изменяет их качество.

Повторюсь ещё раз: любая биологическая деятельность жёстко регулируется генетически, и индивидуальные, фенотипические приобретения почти никогда не бывают решающими в вопросах выживания и самосохранения вида. К тому же, в биологических взаимодействиях нет механизма их продуктивного накопления и передачи от одной особи к другой, от одного поколения к последующим. Поэтому даже сложные коллективные формы поведения с высокой специализацией индивидуальных функций в рамках сообщества, встречающиеся у отдельных видов в дочеловеческой истории, могут быть отнесены всё же к преимущественно биологическим взаимодействиям, фиксировано ограниченными общевидами генетическими закономерностями. Таким образом, биологические формы жизни определяются, прежде всего, высочайшей автономностью каждого отдельного представителя вида, его самодостаточностью. Каждая особь, независимо от степени успешности её жизнедеятельности, произведёт на свет потомство в известной мере идентичное самой себе, обладающее полноценно всей структурой генетических особенностей данного вида (разумеется, в этом механизме возможны сбои, но мы знаем об альтернативном механизме выбраковки нежизнеспособных мутаций в процессе естественного отбора).

Однако принцип автономности биологического организма всё же нарушается. Таким нарушением является межполовая асимметрия особей внутри вида. Это единственная форма деятельности, в которой одна автономная особь целиком и полностью зависит от другой, в которой кооперативность непреложна. Но и эта деятельность так же, как и все прочие, обусловлена генетически и в максимальной степени лишена произвольности (причины возникновения этой внутривидовой дихотомии в данном тексте рассматриваться не будут. Это принципиально важная, но отдельная тема).

4

Социальные взаимодействия коренным образом отличаются от биологических. Между индивидом и его объектом появляется посредник. Потребность уже не удовлетворяется напрямую, между субъектом и его целью возникает некое новое пространство, в котором есть возможность выбрать способ достижения

цели (в психоанализе это называется принципом реальности). Это принципиально меняет ситуацию, так как жизнедеятельность из плоской и однозначной превращается в многовариантную и объёмную. Человек, оставаясь существом биологически организованным, может, почувствовав голод, поймать курицу, оторвать ей голову и съесть. Но это лишь одна из множества возможностей насыщения, которая, вероятно, иногда используется, но не является ни единственной, ни основной, ни достаточно продуктивной чтобы использовать её чаще.

На определённом этапе исторического развития социальная составляющая взаимодействий возрастает настолько, что из вспомогательной функции она превращается в конкурирующую. В этот момент формируется внутривидовое динамическое противоречие, вследствие чего вид получает то ускоренное развитие, которое позволяет ему осуществлять глобальную экспансию и тотальное доминирование над всем остальным биологическим миром. Возникает совершенно новая конфигурация противостояний. Если до этого момента биологический вид во всех своих проявлениях противостоял окружающей действительности, как биологическим её формам, так и физическим, то теперь к этому противостоянию добавляется ещё одно: в рамках одного вида появляется новое организующее начало, которое противостоит изначальному типу системности, организующему жизнедеятельность вида. Таким образом, к базовому противоречию прибавляется новое, функционирующее на другом уровне. Можно всё это представить как ситуацию троянского коня, так как вид может либо поглотить новый фактор, либо трансформироваться и приспособить новый фактор к своим потребностям. Но есть и третий вариант, когда новое начало разрушает базовое и тогда вид погибает. Я предполагаю, что человек был не единственным видом, который столкнулся с этим вызовом.

В ситуации возникновения двухуровневого противоречия меняется динамика исторического развития. Здесь прежде всего разрушается биологическая автономность индивида, так как жизнедеятельность в социальных контекстах регулируется не только (а с развитием цивилизации - не столько) непосредственными контактами с объектами потребностей, но контактами отсроченными, опосредованными кооперативными взаимодействиями с другими индивидами. Биологическая автономность становится просто неактуальной (в абсолютном смысле она, конечно же, сохраняется, уменьшается лишь её удельный вес), она уступает место зависимости индивида в удовлетворении своих потребностей от деятельности других индивидов, а впоследствии - от социального функционирования. С одной стороны, тут происходит интеграция отдельных индивидов в кооперативное сообщество, с другой - к автономности биологической добавляется автономность социальная, то есть, индивид становится субъектом своих выборов, личностью. Это обусловлено тем, что генетическая регламентация жизнедеятельности постепенно уступает место принципиально иной социальной регламентации, где деформации онтогенеза не выбраковываются, как нарушающие жизнеспособность вида, а, наоборот, накапливаются и упорядочиваются, как

закрепляющие статус вида и дающие ему всё новые дополнительные возможности для развития.

Опосредованность, отсроченность акта удовлетворения потребности растёт и становится тотальной. Индивид потребляет не столько то, что самостоятельно добыл собственной деятельностью, сколько некий анонимный продукт, результирующий действия многих других индивидов, полученный в ответ на его деятельность, которая также не обязательно служит удовлетворению его личной потребности, но чаще не имеет конкретного адресата и удовлетворяет абстрактную социальную потребность.

Таким образом, человек оказывается окружённым вещами, правилами, идеями, отчуждёнными от его непосредственной деятельности, которые он лишь условно может назвать своими. Он живёт в доме, который построил не он, носит одежду, не им сшитую, читает книгу, не им написанную. Большинство своих потребностей он удовлетворяет с помощью кого-то, с кем он не вступает в непосредственный контакт и о существовании кого он часто и не подозревает. Количество витальных потребностей, удовлетворяемых непосредственно, неуклонно падает и постепенно приближается к нулю. Одновременно растёт зависимость индивида от социальных структур, она, наоборот, стремится к бесконечности. Эта зависимость основана на том, что через посредство социума витальные потребности индивида не просто удовлетворяются, но удовлетворяются избыточно. Более того, социум сам начинает производить потребности, предлагая их индивиду, создавая возможности для удовлетворения потребностей, которых ещё нет, провоцируя индивида к их изобретению. Причём, такая зависимость от социума отнюдь не абстрактна. Я, в принципе, могу отказаться от автомобиля или компьютера, но, будучи помещён в естественные природные условия вне благ цивилизации, вряд ли сумею достаточно защитить и прокормить себя, не потеряв при этом привычную идентичность.

Если на ранних этапах истории приоритетность производства социальной жизни перед производством жизни биологической реализовывалась в деятельности человека как естественная цель, как цель, не просто стабилизирующая положение вида, но - дающая ему преимущества в сверхзащищённости от внешних воздействий и в сверхэкспансии, то в эпохи современные эта приоритетность начинает проявляться в самовоспроизводстве социума. Уже социум, как самодвижущаяся, саморазвивающаяся система, приобретает свойства субъекта экспансии, и в этом смысле он начинает функционально напоминать некий абстрактный вид, противостоящий в своём развитии виду человек. Потребности человека в контексте саморазвития этого новообразования отодвигаются на второй план, становятся побочными в сравнении с потребностями самого социума.

Социализация витальных потребностей человека происходит не одномоментно и неоднозначно. Некоторые из этих потребностей отмирают, другие приобретают рудиментарный характер, третьи меняют свою направленность и

трансформируются в так называемые интеллектуальные и этические потребности. Эти изменения, фактически, означают прогрессирующую редукцию биологических форм регуляции в рамках вида. Биологических функций не становится меньше, но они начинают отправляться неспецифическим образом, не в процессе биологических взаимодействий, но через посредство социальных механизмов регуляции. Посреднические функции социума перерастают в регламентирующие.

Все эти трансформации относятся к любым формам биологических взаимодействий человека, за исключением одной - сексуальных отношений. Эта сфера жизнедеятельности подвергается социализации в наименьшей степени. Причиной тому особый, исключительный статус межполовых взаимодействий среди всех витальных проявлений вида.

5

Одним из основных принципов биологического типа системности является принцип конкурентности. Я уже подчёркивал, что любая особь данного вида обладает высокой автономностью и с точки зрения производства и воспроизводства жизни представляет вид полноценно и в целом, а не только себя самой. Вступая в отношения с окружающей средой, каждая особь самоценна, опять-таки в силу того, что представляет в отношениях не только себя, но и вид. Поэтому интересы особи, её потребности есть абсолютный приоритет в её жизнедеятельности который подавляет все другие возможные приоритеты (например, сострадание к другой особи) и заставляет её противостоять любым проявлениям активности как внешним (деятельность других биологических субъектов или стихийные явления неживой природы), так и внутренним (альтернативные интенции, представляющие не видовые, а частные, фенотипические особенности, снижающие степень однозначности выборов в противоречивых и опасных ситуациях), нарушающим возможность полноценного удовлетворения особью её потребностей.

Доминирующим мотивом жизнедеятельности любого живого существа является установка на самосохранение индивида, которая, одновременно, служит и целям самосохранения вида. Процветание и экспансия вида существуют постольку, поскольку процветают и осуществляют экспансию индивиды, его составляющие.

Принцип конкурентности может быть описан как борьба каждого с каждым. Подобные отношения могут казаться нам жестокими и безжалостными, но они выглядят таковыми в контексте моральных императивов, то есть социальных закономерностей, в которых почти нет места чисто биологическим взаимодействиям. В дочеловеческой же природе конкурентность не только естественна, но и утилитарна, вне её невозможна эволюция форм жизнедеятельности, их развитие от низших форм к высшим. Поэтому "биологический альтруизм" односторонен и логически непродуктивен. Можно, в конце концов, подойти к вопросу с противоположной стороны, встать на

позиции, с которых уже биологический тип взаимодействий будет представляться закономерным, единственно возможным и справедливым, и тогда уже устройство социальной жизни покажется нам жестоким и безжалостным, но с той разницей, что здесь противостоят не физиологические кондиции - масса тела, скорость и автоматизм реакций, а кондиции психические, интеллектуальные. Мир всеобщей социальной справедливости не менее утопичен, чем мир между волком и зайцем. Конечно, социальная этика не поощряет пожирание слабого сильным, но от этого слабых и проигравших не становится меньше, чем в пугающем наше воображение реликтовом лесу.

Особый статус гетеросексуальных отношений в ряду биологических функций определяется тем, что эти отношения, будучи квинтэссенцией биологической организации материи, осуществляющими её важнейший акт - производство жизни, в то же время, содержат в себе нарушение основных законов биологических взаимодействий - принципов конкурентности и автономности. Взаимодействующие в половом акте особи видят друг в друге не столько объект удовлетворения собственной потребности, сколько условие для её удовлетворения, не цель своей деятельности, а - **возможность**. Потребность удовлетворяется не за счёт другой особи, как во всех остальных случаях, не в конкурентном противостоянии за возможность получения противостоящего объекта, а путём кооперации, путём совместной обоюдодовыгодной деятельности.

Объективным выходом этой деятельности является производство потомства, которое служит целям воспроизводства вида. Но не этот результат мотивирует сексуальную деятельность, так как он может и не находить своё психическое отражение. Субъективно потребность воспринимается как освобождение специфического сексуального напряжения и, одновременно, в получении удовольствия от такого освобождения через совокупление.

Таким образом, межполовые отношения, с одной стороны, целиком и полностью регулируются генетическими механизмами и основаны на автоматизме отправления функции, с другой стороны, они отрицают биологическую автономность особи, делают её зависимой от особи противоположного пола и тем самым, на первый взгляд, ослабляют гарантированность воспроизводства вида. Но в реальности такого ослабления не происходит, так как обратной стороной зависимости является возможность разделения функций, их специализации и связанное с этим повышение качества их отправлений.

Таким образом, наличие качества гетеросексуальности - а это не просто одна из функций, а именно качество - является первичным необходимым основанием для формирования социальной системности, переходным мостиком от чисто биологической обусловленности к кооперативным, а впоследствии и к общественным отношениям. Теряя физиологическую автономность в одной, пусть и важнейшей, биологической функции, индивид вынужден вступать в равноправные отношения с другими индивидами, столь же субъектными, как и он сам, вынужден считаться с их интересами и поступаться частью своих. Эти

отношения приобретают характер надбиологических, так как генетическая регуляция охватывает только их часть, и на её месте надстраиваются механизмы регуляции психической, которая проявляется в упорядочении взаимодействий путём создания поведенческих ритуальных структур.

Гетеросексуальность сама по себе ещё не является социальной формой взаимодействий, она целиком и полностью относится к биологическим формам жизнедеятельности, но гетеросексуальность, в то же время, является необходимым материальным условием для развития социальности, вне её никакие общественные формы невозможны в принципе.

Вернёмся к вопросу о том, почему сексуальные отношения при переходе от животного состояния к цивилизованному становятся запретными и формулируются в этическом сознании как низменные и постыдные. Мы уже говорили о возникающей на определённом историческом этапе приоритетности социального целеполагания перед целеполаганием биологическим. Развитие общественных форм жизнедеятельности выводит вид из сферы действия естественного отбора и выживание каждого отдельного индивида, независимо от его физиологической (биологической) адекватности, становится всё более гарантированным. Экспансия вида обогащается ещё одним важным параметром: вид начинает прогрессировать количественно.

Социальный запрет на открытость межполовых отношений формируется прежде всего через механизм запрета на инцест. Никаких биологических оснований для такого запрета нет (достаточно многочисленные попытки их найти так ни к чему и не привели, насколько мне известно). Но есть один очень важный социальный продукт, оправдывающий табуирование сексуальных проявлений: запрет упорядочивает сроки созревания индивида и резко удлиняет период детства. У дочеловеческих видов критерием созревания особи служит её биологическая автономность. Особь становится взрослой в тот момент, когда она оказывается способной полноценно защищать себя, добывать пищу и производить себе подобных, то есть - размножаться.

Человеческий индивид в процессе созревания должен достичь кондиций как биологической, так и социальной адекватности. Оба эти параметра тесно переплетены, но они не коррелируют друг с другом. Если темпы биологического созревания фиксированы и практически не меняются в сроки, сравнимые со сроками жизни одного поколения, то социальное развитие лишено раз и навсегда заданных сроков и зависит, во-первых, от уровня развития социальных форм, их богатства, универсальности их влияния на жизнедеятельность отдельного индивида, во-вторых, - от существующих механизмов включения индивида в эти формы, от системы социального воспитания. Чем выше уровень цивилизованности общества, тем сложнее способы включения индивида в функционирование социальных механизмов и тем дольше развитие индивида в полноценно ангажированного члена сообщества.

Сроки социального развития индивида постоянно увеличиваются и всё больше обгоняют сроки развития биологического, в какой-то момент вступая с ними в противоречие: индивид уже достиг биологической зрелости и может жить биологически автономно, но он ещё не адекватен социально и включиться в общественные отношения как равноправная личность не способен. Это противоречие частично снимается подтягиванием генетического развития к социальному - биологическое развитие немного замедляется под давлением социальных факторов. Однако выравнивание этих двух процессов не происходит, разница продолжает увеличиваться, прежде всего из-за сопротивления основной биологической функции, производящей - сексуальности. Развитие сексуальности по тем или иным причинам не поддаётся пролонгации в той мере, в какой это возможно с другими функциями. Половая функция оформляется задолго до того, как человек становится полноценным биологически и, тем более, социально.

6

Выше я говорил о том, что только в человеческом сообществе межполовые отношения сакрализируются и выделяются в отдельную форму взаимодействий. Это не совсем верно. Тенденция к сакрализации складывается задолго до появления человеческого вида и в той или иной степени присутствует в любых формах стадной жизни, где есть зачатки надбиологических, кооперативных взаимодействий внутри вида. В таких сообществах складывается определённая иерархия отношений власти и подчинения. Обладающий максимальной властью вожака стаи или стада по праву первенства претендует на наиболее привлекательных самок. Половые отношения регламентируются страхом нижестоящих в иерархии самцов перед наказанием за нарушение первенства вожака. Это, несомненно, ограничивает и упорядочивает свободу проявлений сексуального поведения, что говорит об определённой социальной структуре отношений в рамках сообщества. Но не следует преувеличивать социальный момент в такой ситуации, так как в основе иерархических отношений здесь лежит физиологическое превосходство одной особи над другой и иерархия тут больше биологическая, нежели социальная. Речь здесь может идти не о сакрализации, а о возникновении определённой системы ритуального наполнения, способствующего реализации функции.

В прачеловеческом и человеческом сообществе та же иерархия, но она обусловлена не столько биологической, сколько социальной функциональностью, значимость биологических факторов падает.

В условиях, когда половое созревание обгоняет и общее биологическое и социальное развитие индивида, допущение его полового функционирования перекрывает возможности для его полноценного социального развития и фиксирует его функциональность на биологическом уровне. Малолетний половозрелый индивид, обретший способность производить потомство, теряет значительную часть мотивации к адаптации в социальных структурах и к развитию в социального индивида, в личность. Ранняя половая

самоидентификация человека определяет специфическим образом поле жизнедеятельности индивида в окружающем его жизненном пространстве. Общественные закономерности для такого индивида теряют свою актуальность и значимость.

Человеческая сексуальность представляет собой чрезвычайно сложную структуру, лишь в малой степени управляющую биологическими взаимодействиями. Она пронизывает и, в определённой степени, скрепляет все разветвлённые и высокоструктурированные социальные контексты. Мне не известны какие-либо тексты экологов о ранней животной сексуальности, возможно, таких текстов нет вовсе. Подозреваю, что в животном мире даже на самых высоких ступенях исторической иерархии сексуальные ритуалы не представляют собой специфическую проблему, дающую пищу научному любопытству. Человеческий же младенец, с первых дней окутанный небиологическими отношениями - это, в первую очередь, язык и семейная структура, которую в данном контексте можно рассматривать как изоморфную структуре общества в целом, - сталкивается с сексуальностью именно как с проблемой. Ему приходится идентифицировать себя не только как особь женского или мужского рода, но и как социального оператора, изначально обременённого допустимыми в обществе социальными ролями женщины или мужчины.

Много копий сломано по поводу пресловутого эдипова комплекса, но едва ли можно представить подобную проблему в стаде бегемотов. Теория эдипова комплекса косвенно подтвердила, что ведущей компонентой человеческого развития является отнюдь не биологическая. Можно сколько угодно рассуждать о появлении сексуального влечения, обусловленного соответствующим инстинктом, в очень раннем возрасте, но проблема младенца заключается не в том, кто из его родителей, братьев или сестёр станет его первым сексуальным объектом - её-то он решит просто и естественно. Трудность на этом этапе возникает совсем иная: наличие запрета на сексуальные проявления вынуждает младенца перейти на качественно более высоко структурированный уровень взаимодействий - вместо простых диадных отношений он включается в сложные триадные. Эта новая ситуация надолго отодвигает биологические составляющие поведения на второй план и открывает возможности для длительного освоения социальных навыков.

Триадность, как основная качественная компонента человеческих отношений, как раз и вводит базовую составляющую социальных отношений - отсроченность, опосредованность взаимодействий. В любой ситуации перед действующим субъектом открывается условный веер возможностей. Я говорю об условности выбора потому, что в реальности очень часто выбор объективно не представлен и ситуация развивается по своим собственным закономерностям, которые изменить нельзя. Но нам сейчас важно другое: восприятие внешней действительности как неставшей, как имеющей потенциально больше чем один вариант развития, относится не к этой внешней

действительности, а является свойством нашего её восприятия, свойством нашего социально организованного мышления.

Ребёнок в эдипов период вступает в мир множественной реальности, где каждый объект, в зависимости от контекста, может являться восприятию и тем, и другим, и третьим. На этом основывается наше отношение к миру как к потенциально рукотворному, так как в отсутствие раз и навсегда заданных рамок мы можем произвольно менять наше отношение к объекту, манипулируя контекстами.

7

Но вернёмся к запрету инцеста. Изначально сексуальное влечение ребёнка не подвержено никакой социальной коррекции. Ребёнок ещё не знает что хорошо, а что плохо, в нём нет ни сформированных регламентов, ни осознанных целенаправленных желаний. Чего-то хочет или не хочет не личность ребёнка, которой, по существу, ещё нет, но его организм, и ребёнок не может бороться с этим не имеющим для него названия и не соотнесённым ни с какой оценочной шкалой желанием. Собственно, он даже не знает, что с ним надо бороться, его подавить, от него отказаться.

В этот конфликтный момент естественная интенция ребёнка сталкивается с социальными регламентациями. Здесь происходит первичная половая самоидентификация. Одновременно, происходит первая и самая крупная социализация биологического влечения: сексуальная мотивация поведения подвергается строжайшему запрету со стороны взрослых. Но запрет восходит к социальному табу, по отношению к которому и сами взрослые такие же подчинённые и бесправные объекты, как и их дети.

Общество можно рассматривать как некую иерархическую пирамиду социальных ролей, в рамках которой имеет возможность эволюционировать каждый индивид. Помимо биологических кондиций иерархичность включает в себя также и шкалу психических и поведенческих отличий. Сексуально полноценных, но ещё неадекватный социально индивид, получив статус автономной взрослой особи, не сумеет органично включиться в социальную иерархию, не сможет подчиниться её законам и, одновременно, извлечь из этого для себя выгоды. Он останется функционером только на биологическом уровне, а в системе социальных взаимодействий будет представлять собой деструктивный элемент. Результатом такого инвалидного развития оказывается исключение индивида в той или иной форме из общественных отношений, либо его насильственная - а потому и неполноценная - социализация через различные репрессивные воздействия.

И тот и другой выходы означают, в конечном итоге, потерю для вида, а в случае массовости подобных исходов - и его деградацию. Запрет инцеста, как бы он ни отражался современным сознанием, имеет совершенно утилитарное назначение: повышение выживаемости как отдельного индивида, так и вида в целом. Иными

словами, развитие индивида должно соответствовать уровню развития вида. Существующие на уровне вида в каждый данный момент социальные структуры должны подкрепляться индивидуальными формами жизнедеятельности.

Запрет на ранние проявления сексуальности не имеет достаточных оснований не только в глазах ребёнка, на которого он направлен, но и сами родители не отдают себе отчёт в том. Что их действия продиктованы требованиями социальных структур, а не их собственной разумной волей или страхом перед предполагаемыми биологическими последствиями кровосмешения. Запрет формулируется императивным "нельзя" и закрепляется в сознании как не подвергаемая сомнению аксиома.

Таким образом, сексуальная полноценность ребёнка как бы консервируется вплоть до момента достижения социальной зрелости, когда индивид будет признан полноправным субъектом социума. Но к моменту достижения этого статуса сексуальная заторможенность не сохраняется в виде одного лишь запрета на инцест, но, как правило, иррадирует на всю область половых отношений. Ведь смысл запрета не заключён был только в нежелательности инцестуозных взаимодействий, он преследовал цель предупредить раннюю сексуальную активность. Поэтому недозволенность инцестуозных отношений постепенно распространяется на всю сексуальную сферу по мере включения индивида во всё новые социальные структуры и увеличения массы контактов с индивидами противоположного пола.

Когда внешние запреты наконец снимаются и достигнутая социальная адекватность уже позволяет ему сексуальную активность, возникает другая проблема: запреты тесно вплетены во внутреннюю мотивационную структуру индивида и представляют собой важнейший функциональный момент его личностной организации. Сила этих запретов заключена, прежде всего, в их изначальной немотивированности. Индивид не может преодолеть их ни путём логического осмысления, так как ему неизвестны в полной мере причины их возникновения; ни путём прямого сексуального действия, так как ему уже социально позволено такие действия совершать легально.

Здесь мы подходим к окончательным выводам о причинах и следствиях сакральности сексуальных отношений. Причины нам уже ясны, все они восходят к растущей приоритетности социального развития перед развитием биологическим. В этой же плоскости лежат и следствия: камуфлирование сексуальных отношений служит подкреплению этой приоритетности. Но такие выводы не отражают специфику именно сексуальных отношений в ряду прочих биологических, как переходных к социальным формам жизнедеятельности.

С одной стороны, сексуальность в значительно меньшей мере, чем другие биологические функции, поддаётся социализации, с другой же стороны, социализация сексуальности в большей степени необратима. Если человек, привычный к значительной предварительной обработке продуктов питания, всё же может, в случае необходимости, перейти на потребление естественных

необработанных продуктов, то вернуться к изначальной животной, доисторической функциональности в межполовых отношениях принципиально невозможно.

К социальным трансформациям сексуальности следует отнести, прежде всего, круглогодичную половую активность человека. На первый взгляд может показаться, что социальные отношения здесь ни при чём или играют в этих изменениях второстепенную роль, что связаны эти перемены с естественным биологическим развитием, лишь отчасти ускоренным развитием цивилизации. Но это не так. Прежде всего, обратим внимание на то, что изначальная целенаправленность функции ничуть не сузилась и даже, наоборот, расширилась. Любые другие виды, обитающие в естественноприродных условиях, могут зачинать и производить на свет потомство в строго определённые сроки в основном потому, что этому способствуют природно-климатические условия среды. Увеличение сроков половой активности было бы не оправдано, так как часть особей, родившихся в "неудобное" время была бы обречена на гибель, к тому же, вынашивание плода в такое время увеличивало бы степень риска и для самой родительской особи. Для человека эти сложности становятся всё менее и менее актуальными, он может и накормить и защитить себя в любое время года избыточно. Но это ещё не объясняет нам причин деформации, а только указывает на её необходимые материальные условия. Мы знаем почему она произошла но не знаем для чего, в чём её утилитарный смысл.

Вспомним об объективном и субъективном значении сексуальных отношений. С одной стороны, они служат интересам вида в целом, производству жизни. Но при этом каждый отдельный индивид, осуществляющий половой акт, вовсе не обязательно осознаёт такое его предназначение. Более того, производство жизни осуществляется независимо от психического развития особи и её социального статуса. Субъективно половая активность, как мы уже говорили, определяется необходимостью разрядки специфического физиологического напряжения, а также желанием получить опять же специфическое удовольствие в процессе и в результате такой разрядки.

В результате увеличения сроков половой активности интересы вида не стали удовлетворяться лучше, так как потомство, как и прежде, появляется на свет примерно раз в год (видовые интересы получили преимущество, но не в этом аспекте, а в повышении защищённости и комфортности жизнедеятельности, в том числе и связанных с производством потомства). Зато значительно изменилась субъективная сторона сексуальности. Отдельный индивид стал круглогодично испытывать неудовлетворённое напряжение и, соответственно, получать удовлетворение от его разрядки. Тем самым половые отношения стали занимать примерно равное положение с другими биологическими функциями, такими как, скажем, принятие пищи, в то время как у животных они представляют собой, пусть и важнейший, исключительно яркий, но всего лишь эпизод в их жизнедеятельности. Человек становится постоянно вовлечённым в половые взаимодействия, сексуальность становится фактором его повседневности.

Теперь снова вернёмся к запрету инцеста и связанной с ним тотальной закрытостью сексуальности. Молодой, но уже взрослый индивид, получая статус самостоятельного полноправного субъекта, сталкивается со своей функциональной беспомощностью в области межполовых отношений. Принципиальные формальные запреты сняты, но остаются интернализированные строгие внутренние рамки, которые практически невозможно снять (в процессе развития они из внешних, привнесённых запретов превращаются в существенную часть личности индивида), их остаётся лишь раздвигать, пытаюсь выработать компромисс между биологической автономностью и социальной зависимостью индивидуального поведения. Дело в том, что и внешний запрет полностью не снимается никогда. Половая функция весьма жёстко регламентируется социальными нормативами и сексуальная активность допускается в той мере, в какой она не противоречит функционированию социальных механизмов.

Молодой индивид, вступление в половые отношения которого социально одобрено, не только не может преодолеть стойкие немотивированные запреты в себе самом, но и сталкивается с точно такими же внутренними запретами у своих возможных партнёров противоположного пола. Таким образом, проблема преодоления и упрощается, так как есть обоюдное стремление к преодолению, и, одновременно, удваивается в силу того, что физиологический статус и связанное с ним оформление запрета отличны у особей противоположных полов. Простейшее решение вопроса путём переведения полового контакта в чисто биологическую плоскость также труднодостижимо, потому что такое решение предполагает уже преодоленность социального запрета, либо его изначальное отсутствие.

Решение проблемы лежит в парадоксальной плоскости: для преодоления социальных запретов нужна дальнейшая социализация биологической функции. Запреты снимаются путём ритуализации сексуального поведения. Биологическая функция в этом случае подвергается регламентации социальными нормативами, которые, с одной стороны, замещают инстинктивные структуры, а с другой - позволяют приспособить внешний запрет к конкретному взаимодействию конкретных индивидов.

Ритуальные игры, которыми постепенно обрастают межличностные гетеросексуальные взаимодействия, имеют самоценную значимость только с субъективной точки зрения. В более широком контексте их смысл заключается в создании и развитии иерархических отношений в сообществе. Похожий смысл мы можем видеть и в сексуальных ритуалах дочеловеческих видов. Разница состоит в том, что там иерархия выстраивается на преимущественно биологических основаниях, у человека - на преимущественно социальных.

Конечно, и человеческое поведение включает в себя всевозможные биологические детерминации, но они чаще бывают второстепенными,

побочными, не определяющими. Можно спорить о том, сколько в человеке животного, а сколько цивилизованного. Эти споры периодически возникают и в научной среде, но они обычно ни к чему не приводят, так как почти никогда не учитывается, что соотношение биологических и социальных начал нефиксированно, подвижно и находится в постоянном развитии. Мы в этом смысле можем говорить только о тенденции, которая, впрочем, вполне очевидна.

Приведём банальный пример. Животные самец и самка подбирают себе полового партнёра в основном по физиологическим признакам. Сюда входят и телесная полноценность, и сила, и повадки, и запах и ещё множество других подобных компонентов. Иерархические отношения - если они вообще обозначены у данного вида - играют заметную роль в выборе партнёра только на относительно высоком уровне развития. Но даже в этом случае вожак, имеющий право выбирать первым лучших самок, доказывал это право всё той же биологической адекватностью - силой, повадками...

Если мы посмотрим на ту же ситуацию в человеческом сообществе, то увидим, что такие же точно критерии отбора присутствуют и здесь, но они сплошь и рядом перекрываются другими критериями, социальными, такими как положение в обществе потенциального партнёра, его образованность, профессиональная успешность, богатство и тому подобными.

В каждом конкретном случае отношений индивидов противоположных полов ритуализация может происходить уникальным образом, но всегда в этом взаимодействии есть и общий момент. Он заключается в том, что снятие запрета осуществляется через выработку совместной социальной мотивации сексуальности (при обязательном наличии обоюдной биологической мотивации). Это означает, что сексуальность из субъективного плана переходит в объективный, то есть, индивидуальная интенция к действию включается органичным элементом в социальную практику и из частного побуждения превращается в момент общесоциальных взаимодействий. Фактически, в подобных ситуациях, когда двое ищут взаимоприемлемый компромисс, в отношения вторгается третий участник. Чтобы прийти к соглашению надо соизмерить две антагонистические точки зрения и, найдя их взаимонеприемлемыми, найти третью, которая будет означать потерю обеими сторонами части своей автономности, но при этом даст возможность полноценно или частично выполнить задачу, к которой стремятся оба субъекта. Третий участник - это язык в самом широком понимании этого понятия. Он является инструментом компромисса, но он же обладает своей собственной автономностью и не принадлежит ни одному из участников. В этом смысле можно говорить о том, что язык сам является субъектом, активно влияющим на строительство взаимодействий. При этом и язык есть результат компромисса и его автономность зависит от его конвенциональности.

Социальный запрет снимается потому, что он из немотивированного, статичного становится подвижным, начинает включать в себя общественный

норматив и таким образом превращается в осознанный, допускающий действия в рамках известных субъекту правил.

И опять обратим внимание на различия в субъективном и объективном значениях социализации сексуальности. Преодолевая тотальный запрет на сексуальность, каждый взятый в отдельности индивид преследует свои собственные интересы. Для него цель разрешения этого конфликта заключена в достижении биологической автономности, в растормаживании и задействовании в жизнедеятельности сексуального инстинкта. Достижение этой цели опосредовано обязательным компромиссом. Чтобы удовлетворить свою потребность он вынужден внести в свою цель значительные коррективы, обогатить её связью с социальными контекстами. Таким компромиссным дополнением может быть формулирование желания создать семью, воспитывать потомство, но могут быть и другие варианты мотивации. В любом случае, даже если индивид явно декларирует только свою биологическую потребность, он почти всегда вынужден вступать со своим партнёром в те или иные вербальные взаимодействия, а уж вербальность никак не отнести к биологическим функциям.

Социальные ритуальные взаимодействия в тех или иных формах присутствуют в любых межполовых взаимодействиях, избежать социализации половой функции невозможно. Но будем иметь в виду, что социализации подвергается не одна лишь эта функция, но индивид в целом, его ценностно-этические ориентации, поведение, реактивность, целеполагание и т.п. прежде чем вступить в половой контакт на биологическом уровне, индивид участвует в общении, в контактах социальных, причём, и продолжительность и интенсивность последних обычно многократно превосходит продолжительность непосредственного удовлетворения потребности. Можно говорить о социобиологическом сценарии сексуального поведения, о том, что витальная потребность обогащается социальными контекстами, меняется при этом качественно и в конце концов начинает представлять собой сложный конгломерат различных неразделимых составляющих, из которого уже невозможно вычленивать в чистом виде отдельные первоначальные основания, так как они перестали существовать вне этого конгломерата.

Индивид, добываясь возможности удовлетворения биологической потребности, становится индивидом социальным. Потребность удовлетворяется через свою противоположность, парадоксальным образом, путём редукции иницирующего её биологического начала. Основная цель отодвигается и на этом месте образуется последовательность промежуточных целей, которые оформляются в систему ритуалов, создающих контекст безопасности для достижения основной цели.

Одновременно происходит и более обширный процесс. Выработка околосексуальных ритуалов распространяется постепенно на все сферы жизнедеятельности, так как сексуальные взаимодействия становятся, в некотором смысле синонимом взаимодействий как таковых. Дело в том, что до

определённого момента исторического развития межполовые отношения остаются единственной областью индивидуальной реализации, где требование кооперативности, взаимодействия с другим индивидом на паритетной основе непреложно.

Любая особь, даже самого развитого вида, пусть и с некоторыми потерями, но может прокормить и защитить себя самостоятельно, вне всяких отношений с другими особями этого же вида. Но ни одна из особей не может в одиночку зачать и произвести потомство. Поэтому сексуальные взаимодействия изначально являются материальной основой социальности, единственной устойчивой базой её развития. Они провоцируют надбиологическое сообщение индивидов, стимулируют их психическое развитие, способность к продуктивному содействию, к решению возникающих противоречий вне генетических регламентов. Они снимают принцип автономности каждого отдельного индивида, и тем самым инициируют создание способов сохранения и накопления онтогенетической информации, придание им свойств общезначимости, общедоступности.

Мы уже описывали иррадиацию инцестуозного запрета на все межполовые взаимодействия. Точно так же и ритуализация сексуальных действий распространяется на все формы жизнедеятельности. В процессе развития ритуал оформляется в самостоятельный социальный организм, отчуждается от сексуальности и в каждом отдельном случае развивается самостоятельно. Первоначальная сексуальная направленность ритуала утрачивается, снимается, его целенаправленность изменяется. В момент своего зарождения околосексуальный ритуал имеет универсальный характер, но впоследствии его целостность раздробляется и от него отпочковываются всевозможные специализированные ритуалы, обслуживающие и упорядочивающие отдельные специфические формы жизнедеятельности, порой очень далёкие от сексуальности. Примером может служить ритуал пожатия руки при встрече, который изначально регулировал отношения между сексуальными соперниками. Остаточное значение сохранилось в восточнославянских культурах, где до сих пор не принято пожимать руку женщине.

Таким образом, ритуал из средства удовлетворения потребности превращается в средство и цель одновременно, так как его раздробление и обогащение обогащает также и самоё жизнедеятельность, даёт возможность удовлетворения всё более частных потребностей. Иерархия особей в рамках одного вида постепенно дополняется иерархией потребностей и способов их удовлетворения. Эта вторая иерархия в процессе своего развития интегрируется в самостоятельную систему взаимодействий, но уже не индивидов непосредственно между собой, а индивидов через посредство инструментов и информационных значений, а в дальнейшем - и самих этих инструментов и значений вне их отношения к отдельным индивидам, вне зависимости от них.

Последнее есть социальность в чистом виде, та социальность, которая уже не имеет обратной связи с индивидуальными потребностями и их

удовлетворением, которую я в начале этой работы назвал социальным генотипом, генотипом наизнанку, имеющим для человека то же жёстко регламентирующее значение, что и генотип биологический. Эта система начинает оформляться как самоценная, самодостаточная и самодвижущаяся. Целью её развития является уже не человек, а она сама, её собственные разветвлённые потребности, которые со временем всё чаще вступают в непримиримое и неразрешимое противоречие с интересами человека и как индивида, и как вида.

9

Сексуальные отношения, их ритуализация, положили начало, с одной стороны, тотальной социализации индивида, с другой - становлению и развитию самой социальной системности. Изначально индивид был и субъектом и целью своего развития. Социальные отношения закрепляли численность вида, его растущую экспансию и способствовали повышению жизненного уровня, так как избавляли человека от непосредственного биологического (материального) противостояния всей остальной природе. Именно материальная сторона социальных отношений, их инструментальность, предметность были абсолютным благом для человека, который через возникшее общественное материальное производство стал опосредованно воздействовать на природу, избегая необходимости в поисках удовлетворения своих витальных потребностей каждый раз рисковать своим телом, своей жизнью.

Но этому этапу развития цивилизации предшествовала длительная эволюция биологического типа системности, которая привела в конце концов к революционной смене полярности взаимодействий, к переходу от примата биологичности к социальным формам детерминации. В этом контексте (и только в этом) можно утверждать, что первичным был не материальный фактор, а идеальный, так как вне развитой системы надбиологических социальных взаимодействий совместное материальное производство невозможно и никакое количественное увеличение и совершенствование биологической функциональности не могло привести к инструментальному отношению индивида к объекту своей деятельности. Только возникновение ритуального, а впоследствии и знакового сообщения индивидов между собой создало предпосылки к появлению и развитию материальной предметной сферы социально организованной жизнедеятельности вида.

Сексуальность и лежащая в её основе межполовая асимметрия внутри вида первоначально дали толчок к переходу от биологического принципа автономности каждого отдельного индивида к более высоко организованному принципу кооперативности. Это утверждение вполне естественно может вести к выводу о глобальной роли сексуальных отношений в развитии цивилизации вообще, к выводу о том, что сексуальность есть краеугольный камень и движущая сила исторического процесса. Однако, на мой взгляд такие выводы неверны в принципе. Ошибка здесь заключена в том, что, рассуждая подобным образом, мы пренебрегаем логическими принципами развития. Один, пусть

крайне важный и показательный момент переоценивается и экстраполируется в неизменном виде на всё последующее историческое движение. Это омертвляет реальный процесс, выхолащивает его и достигнутая таким образом картина мира оказывается статичной и неполноценной.

Особенное значение сексуальной функции заключено не в ней самой, а в том, что она, в силу своей исторически сложившейся специфичности, стала материальным носителем процесса перехода живой природы из одного качества в другое, стала его передаточным звеном. Сразу же, как только переход совершился, приобрёл свойства ведущей функции исторического развития, сексуальность стала терять свой исключительный статус и приближаться к положению одного из рядовых свойств живых организмов. Она тоже изменила свою качественную направленность, но уже никогда с тех пор не находилась на острие главного противоречия эволюционных процессов. Её значимость постепенно угасала вместе с напряжённостью самого этого противоречия, которое теряло актуальность, уступая место новому историческому противостоянию более высокого уровня. Поэтому представляются наивными попытки придания сексуальности особенного тайного или мистического смысла. Они нисколько не проясняют вопрос, скорее наоборот, выводят его из сферы научного внимания.

10

Для адекватной оценки современного состояния сферы сексуальных отношений как биолого-социальной функции необходимо не выделять её в отдельный, самостоятельный объект изучения, но, наоборот, как можно более широко включать её в общий контекст развития социума, выявлять связи сексуальности с механизмами общественного функционирования, которые в настоящее время и определяют роль и значимость сексуальных отношений в сложной и разветвлённой иерархии тенденций и направлений современного общества. Необходимо выводить её специфику не из неё самой, но из её связей с внешними феноменами как социального, так и биологического порядка, которые и определяют её реальный статус и перспективы дальнейшего развития.

В момент перемены полярности противоречия и возникновения нового качества развития (этот период мы называем условно, он мог длиться и тысячи лет) сексуальная функция инициировала надбиологические кооперативные взаимодействия, которые в течение долгого времени не имели собственной системности и носили эротический характер. Попутно примем предположение, что этот этап развития социальности был построен на матриархальной иерархии отношений (тема и размеры данного текста не позволяют рассмотреть этот вопрос подробно).

Если в начале этого периода социальная регламентированность регулирует только сексуальные взаимодействия, то в дальнейшем ритуальность постепенно распространяется на все сферы жизнедеятельности, всё более далёкие от

межполовых отношений. Она растёт и количественно и качественно, она начинает производить сами формы жизнедеятельности, которые, будучи порождёнными вне биологических регламентов, изначально имеют социальную ориентацию. Накопление таких форм приводит в конечном итоге к интеграции их в специфическую систему взаимодействий, которая относится к подобной ей биологической системе как к внешней, вступает с ней в динамическое противоречие.

С этого момента начинается развитие цивилизации, статус гуманоидности становится необратимым. С этого же момента сексуальность перестаёт быть абсолютной функцией, порождающей социальность. Она постепенно меняет свои формы, превращается во второстепенный фактор эволюции, так как социальность приобретает свойство саморазвития. Меняется сфера её влияния. Если до сих пор сексуальные взаимодействия определяли развитие живой материи в целом, то теперь это глобальное значение сужается и регламентация распространяется только на отношения индивида и социума. Это происходит потому, что социум, обретая собственную системность, теряет непосредственную связь с биологической организованностью жизни, генетические законы становятся внеположными по отношению к социальности, а носителем биологических закономерностей становится в большей мере индивид, чем вид в целом, так как видовая самодостаточность определяется не столько его биологической, сколько социальной организованностью. Связь социальности с биологическими закономерностями осуществляется через индивида, вид же, как целостное природное образование, становится пассивным по отношению к социальной системности.

Вид может продуктивно противостоять только другому такому же виду. Социальность таковым не является, она организована по совершенно иным правилам и представляет собой уже не антагонистическую по отношению к виду единицу, а надстройку над ним, ему не противостоящую, но его снимающую.

Ограничение сексуальных взаимодействий рамками отношения индивид-социум ведёт к их интенсификации, так как освобождает их от неспецифических функций переходного периода. По всей видимости, именно с этим связано окончательное закрепление круглогодичной половой активности человека. Здесь происходит своеобразный возврат к изначальному состоянию. Так как межполовые отношения перестают явно играть консолидирующую общество и определяющую его статус роль, они становятся частными, мединдивидуальными. Но полного возврата нет, так как сексуальность уже перестала быть функцией, ограниченной только производством жизни. Вовлечённый в половые взаимодействия постоянно индивид, независимо от того, как он осознаёт и оценивает эту свою деятельность, занимается не столько производством жизни, сколько производством отношений, а в конечном итоге - производством социальности. Околосексуальные ритуалы не только упорядочивают на социальной основе межполовые связи, не только ограничивают их и, фактически, выхолащивают, лишая их изначальной

биологической целесообразности, но и позволяют индивиду полноценно функционировать в рамках социума, дополнять свой статус биологического организма качеством личности.

Переход вида в цивилизованное состояние имеет результатом возникновение тенденции к абсолютной экспансии по отношению ко всей остальной живой природе. Человеку не может противостоять ни один другой биологический вид. Это означает исключение человека из сферы регуляции его жизнедеятельности механизмами естественного отбора и, как следствие, появление некоторых деформаций в биологической эволюции вида.

Невыбраковка физиологически неполноценных особей приводит к определённой деградации, к потере уровня выживаемости каждого отдельного индивида в условиях естественноприродной среды. Но деградация избыточно компенсируется развивающейся ускоренно средой искусственной, так называемой второй природой. Эту ускоренность следует рассматривать не только применительно к данной ситуации, но и относительно любых биологических эволюционных процессов. Рост и продуктивность экспансии человека определяется прежде всего этим. Но её осуществление следует относить не к виду в целом, а только к его ускоряющейся функции - социальности и порождаемому ею материальному инструментальному миру.

Социальное не столько подавляет в человеке биологическое, сколько обгоняет его, делая биологическую функциональность малоэффективной, заменяя её новыми специфическими механизмами. Человеку становятся ненужными острота зрения, слуха, физическая выносливость и другие подобные качества. Биологическое вырождение вида, безусловно, происходит, но этим вполне можно пренебречь, так как абсолютные показатели этого процесса многократно уступают относительным. Вид в целом, обогащённый социальными преимуществами, интенсивно развивается. Поэтому правильнее говорить не о деградации, а о переориентации вида, о смене полярности направления его развития. Такая ситуация логически ведёт, в тенденции, к новому качественному изменению в развитии вида, к полному замещению биологической регламентации жизнедеятельности регламентацией социальной. (К этой последней я отношу не только и не столько гуманитарные формы регулирования, сколько материальные инструментальные следствия цивилизации - медицину, строительство, транспорт, энергетику и т.д.)

Длительное преобладание одной из парных, дополнительных функций в какой-то момент омертвляет другую, превращает её в малопродуктивный излишек, тормозящий дальнейшую эволюцию. Однако в реальности этот процесс не может воплотиться до конца, прежде всего потому, что единственным (и единственно возможным) материальным носителем функциональности человека - и биологической и социальной - является его собственное тело, которое только в очень узких пределах позволяет инструментальное к себе отношение. Оно навсегда останется самоценным для личности, так как сама по себе личностная организация индивида строилась как дополнительная к организации

биологической. Можно предположить, что личность, как социальная эманация, способна в перспективе существовать вне биологического тела, на каких-либо иных основаниях, но в этом случае мы будем говорить уже не о виде человек, а о какой-то другой форме существования, пока неизвестной. Но уже никогда телесность не будет ведущей функцией индивида, так как никогда биологическое развитие не догонит и, уж тем более, не превзойдёт развитие социальное. Поэтому человек обречён на постоянно прогрессирующее отставание своей биологической сущности от своей же сущности социальной.

В этом ракурсе отчётливо видна эволюция сексуальной функции. Основная её роль заключается в преодолении этого отставания на индивидуальном уровне. Ни одна другая биологическая функция не способна сколько-нибудь значительно его компенсировать.

11

Я уже говорил о том, что особь в дочеловеческом состоянии только через половую асимметрию может преодолеть биологический принцип автономности и перейти к кооперативности. Вне межполовых взаимодействий она целиком и полностью самодостаточна и особи одного вида удерживает вместе только идентичность их индивидуальных отношений с окружающей средой. Такую совместную жизнедеятельность можно назвать псевдосоциальной, так как в ней наличие внешних признаков социума не подкреплено функционально обусловленной кооперативностью.

Точно такое же явление, но с обратным знаком, мы можем наблюдать в цивилизованном сообществе, встречая социально высокоадаптированных индивидов, жизнедеятельность которых полностью выстроена на принципах кооперативности. Формально они остаются биологическими особями, но биологическая функциональность в них настолько редуцирована, что, по сути, они таковыми уже не являются. Смысл и цель их жизни исчерпываются отправлением только социальных функций. Рассмотрим это подробнее.

Современный социум даёт индивиду возможность удовлетворять свои витальные потребности, не вступая при этом ни в какие межиндивидуальные биологические контакты. Разумеется, такой индивид не может избежать контактов с другими индивидами вообще, но он может выступать в них в роли только лишь социального оператора. Он перестаёт в этом случае выглядеть для своих партнёров индивидуумом, обладающим уникальными биологическими особенностями, перестаёт быть автономным субъектом своей деятельности. Витальные потребности он может удовлетворять как социальное существо, то есть - анонимно.

Между индивидом и его потребностью, между индивидом и другими индивидами стоит нечто, регулирующее деятельность индивида, его контакты с себе подобными, его потребности и даже его мировоззренческую ориентацию. Этим нечто выступают неперсонифицированные социальные закономерности,

которые материально проявляются то как юридические, политические или экономические правила и запреты, то как транспортная пробка или вызвавшая волнение телепрограмма, то как и вовсе незаметные бытовые мелочи, создающие определённый жизненный фон и никогда не ассоциирующиеся с социальными механизмами, хотя в реальности напрямую с ними связанные.

Социум становится абсолютным посредником между индивидом и всем остальным миром, посредником, гарантирующим определённый жизненный стандарт, но взамен отнимающим у индивида его биологическую автономность. Чем выше гарантии, тем уже сфера выбора, степень индивидуальной свободы. Логически продолжая эту тенденцию, нетрудно представить себе некую утопию, где индивид может удовлетворить любую свою потребность, вплоть до мельчайших, не прилагая для этого никаких усилий, не совершая никаких действий, но при этом удовлетворение окажется полностью вынужденным, его возможность заблаговременной и гарантированно избыточной, а индивид будет лишён всякой возможности желать непредусмотренного, неучтённого, и этим - возможности реализовать себя уникально, автономно.

В этом, собственно, и заключалась великая мечта человечества об "обществе всеобщей справедливости". Рождение такой фантазии оправдывает только то, что в те времена, когда она вынашивалась и формировалась, составляющие её негативные тенденции находились в зачаточном состоянии и были совсем не очевидными. Очень многие великие социальные мыслители, от Платона до Маркса, переоценивали и возможность и необходимость полной социальной адаптации индивида в условиях абсолютной социализации вида.

Однако, неверно было бы прогнозировать историческое развитие именно таким образом. Никакие, даже самые яркие и очевидные тенденции не достигают своего полного развития. Эволюционный процесс всегда и обязательно прерывается возникновением нового антагонистического качества, нового противоречия. По крайней мере, до сих пор было так, и у нас пока нет оснований предполагать в будущем кардинальные перемены мировой схематики.

12

В философской литературе разных направлений достаточно подробно обсуждался вопрос об отчуждении работника от продукта своего труда. Гораздо меньше внимания уделялось другой форме отчуждения межличностной. Этой темой интересовались, в основном, социологи и социальные публицисты.

Проблемы отчуждения в науке дробятся на множество различных и практически не связанных между собой тем. Однако все виды отчуждения имеют под собой единое основание, вне связи с которым невозможно адекватное отражение частных видов в рамках единой научной концепции. Этим единым основанием, по моему мнению, является отчуждение биологических форм жизни от форм социальных. Относительно ускоренное развитие социальности неизбежно ведёт

к её примату над любыми биологическими проявлениями. Если в начале человеческой истории эти две тенденции количественно были достаточно уравновешены, а фактор большей интенсивности социальной системности компенсировался экстенсивной распространённостью биологической и был объективным благом, так как не подавлял биологическую системность, а дополнял её, давал человеку преимущества, не сравнимые с его потерями от такой неравномерности и разноускоренности обеих полярных тенденций, то в настоящее время ситуация складывается обратным образом: убытки либо вполне сравнимы с прибылями, либо заметно их превышают.

Пределы возможной социализации человеческого индивида уже практически достигнуты. Эти пределы определяются возможностями биологической системы отдельного индивида, системы, осуществляющей конкретные процессы восприятия, хранения и обработки информации, а также регулирующей на основании этих процессов жизнедеятельность. Человек как материальный носитель информационных процессов уже сейчас во многих видах деятельности не может конкурировать с новыми материальными носителями небиологической природы, рождёнными не эволюционным развитием, а революционно. Субъектом этих качественных перемен является не биологическая системность и не человек, а социум. И нет никаких оснований надеяться на благоприятное изменение ситуации, на то, что человек сможет сохранить контрольную и управленческую функции по отношению как к развитию материальных информационных процессов, так и к развитию социума в целом.

Подобные теоретические экскурсы в общие проблемы могут показаться не имеющими отношения к данной работе. Прямого отношения - действительно не имеют, но развитие сексуальности происходит на фоне именно таких глобальных процессов, которые в тех или иных формах оказывают императивное воздействие на любые проявления жизнедеятельности, от самых общих до самых частных. Поэтому, вырывая проблему сексуальности из контекста всеобщего развития, сужая тему до исследования полового акта и его нарушений или рассматривая сексуальность только в ракурсе воспроизводства вида, мы будем изучать либо её медицинский аспект, либо психологический, или какой-нибудь ещё, но только не философский.

Мы уже определили, что через сексуальность осуществляется связь между биологической и социальной формами движения материи, сексуальность делает их взаимообусловленными. В сексуальности, как мы видели, изначально заложена двойственность, противоречивость. Ни одна другая биологическая функция этим свойством в достаточной мере не обладает, в достаточной для того, чтобы служить провокацией качественного скачка в развитии природы. Чтобы это понять, нам нужно отмежеваться от наших собственных субъективных, личностных, заинтересованных суждений о половом вопросе и рассуждать не о сексе и нашем к нему отношении, а о сексуальности в самом абстрактном её понимании, видеть в сексуальности прежде всего функцию, сводящую две противоположные закономерности - биологическую и

социальную - в единство динамического противоречия. В этом смысле сексуальность не имеет никакого самостоятельного бытия и в каждый данный момент служит воплощением конкретного уровня приоритетности одной закономерности перед другой, объективным критерием соотнесённости частей этого подвижного взаимодействия.

13

Мы уже описывали роль сексуальности в социализации мотивации индивидуальной жизнедеятельности. Через околосексуальные ритуалы индивид включается в систему общественных взаимодействий, становится её элементом и оператором и, одновременно, в процессе поисков оптимальной личностной включённости тем самым и создаёт эту систему, конструирует её, дополняет, обогащает своим вкладом. Проще говоря, через сексуальность индивид осваивает социальность, сопоставляет материальное биологическое и идеальное социальное начала, находит результирующий компромисс этой противоположности в создании собственной личности, комплексной социобиологической частной системы.

Этот результат большей частью не есть следствие целенаправленных и осмысленных поползновений индивида, но - следствие его присутствия в движущемся, разворачивающемся мире, так как осознанность и целенаправленность могут быть свойством уже-личности, но, едва ли, свойством неоформившегося нечто, каковым человек является на свет, имеющим только потенциальные возможности, актуально зависящие целиком и полностью от окружения (разумеется, речь идёт только о социальных кондициях). Обретение собственного Я и оформление личности есть в значительной степени тавтология, два разных ракурса в оценке одного и того же предмета.

Человек приобретает свойство субъектности тогда, когда его вид становится внутренне противоречивым. Сама по себе субъектность - это возможность в определённых ситуациях поступать так или иначе, то есть решать то, как будет развиваться ситуация. На личностном уровне это означает ещё и ответственность за свой выбор. Максимальных значений свойство субъектности достигает тогда, когда обе стороны противоречия становятся одинаково эффективными. В этот момент ситуация представляет собой неустойчивое равновесие и любой выбор в пользу одной или другой тенденции может изменить историческое развитие в глобальном масштабе. (Конечно, это утрированное представление). В нашем случае новая тенденция, социальность, преодолела состояние паритетности в свою пользу и стала развиваться ускоренно. В результате человечество получило те преимущества, которые представлялись желательными. Но на этом развитие не остановилось, тенденция продолжала своё становление как доминирующее начало. Если раньше целью такого развития представлялось развитие вида - носителя противоречия, то теперь, когда противоречие уже почти снято, становится понятным, что в дальнейшем, при возникновении нового движущего противоречия,

человечество будет участвовать в историческом развитии в качестве статиста, а не в качестве носителя противоречия

Ритуализация жизнедеятельности по-прежнему остаётся фактором конструирования социальности, но в условиях, когда социум развивается в основном за счёт собственной внутренней напряжённости, этот фактор становится второстепенным, побочным. Имеет место прямо противоположный процесс: ритуализация жизнедеятельности превращается в способ защиты индивидов и групп индивидов от полной, тотальной регламентации жизнедеятельности социумом, от абсолютного примата социальной функциональности над биологической.

Тотальная социализация индивида приводит к невозможности любых социально не одобренных межличностных, межиндивидуальных взаимодействий. Утрачивая полностью свою биологическую (не физиологическую!) автономность, становясь однополюсным только социально ориентированным функционером, человек, одновременно, перестаёт быть и личностью - самостоятельной субъектной единицей. Он растворяется в социальной функциональности, и сам начинает представлять собой элемент этой и только этой функциональности, анонимную составляющую социума.

Общий процесс отчуждения завершается на максимально конкретном уровне отчуждением биологической составляющей индивида от социальной, разрушением его личностной целостности и, одновременно, утратой возможности сообщения с себе подобными вне социального контекста. Но и такое возможное развитие представляется вполне утопичным, опять же в силу того, что никакие тенденции никогда не реализуются в чистом виде.

Здесь снова решающее значение будет иметь сексуальная функция. В момент становления социальных форм сексуальность была единственной функцией, которая объединяла два противоположных принципа - биологической автономности и социальной кооперативности. Более того, для её реализации необходимым было осуществление одновременно обоих. В описанной выше ситуации противоречие сменило субъект-объектную полярность, но его элементы остались теми же, изменилось только их взаиморасположение. Поэтому и функция сексуальности остаётся той же: материальное опосредование двух закономерностей. Меняется направленность функции, она из прогрессирующей в контексте общего развития превращается в деградирующую. Социальное развитие, в силу своей относительной ускоренности и её материальной подкреплённости результатами саморазвития, необратимо и поэтому отсутствует принципиальная возможность возвращения биологической функциональности на новом эволюционном витке значения субъектности.

Однако есть другая гипотетическая возможность: отторжение биологической функциональности в самостоятельную системность в рамках развития цивилизации, её самоконсервация. В этом случае она окончательно потеряет

значение одного из факторов развития, но при этом не подвергнется полному уничтожению, так как будет существовать как параллельная маргинальная системность в рамках социальности. Таким образом, сексуальность превращается в двигатель охранного регрессивного процесса.

14

Расширение запрета инцестуозных отношений до запрета сексуальности вообще идёт одновременно с оформлением этого запрета в систему этических нормативов. Можно даже предположить, что первые вербальные проявления человека, зарождение второй сигнальной системы связаны не столько с трудовыми процессами и формированием инструментального отношения к миру, сколько с этим запретом, поскольку трудовая деятельность предполагает своей основой уже сложившийся принцип кооперативности, который, как мы видели, невозможен вне ритуализации сексуальных взаимодействий и вне распространённости ритуалов, регулирующих сексуальные отношения.

Мораль всегда в формальном отношении носит императивно-запретительный характер. Любой поведенческий образец декларирует потенциальное свойство, достижение которого предполагается возможным только через преодоление актуально существующей реальности, которая этим свойством заведомо не обладает. В этом заключается и основное отличие нормативной функции в поведении человека от такой же функции любых других биологических видов, где поведенческие реакции закрепляют существующую систему отношений и не предполагают никакого развития. То есть, на этом уровне морали как таковой нет и она невозможна, потому что поведенческие механизмы не прогностичны, нормой в них является то, что уже есть, уже существует, а не то, что может или должно быть. Это объясняется опять-таки непреодолимостью биологических, генетических оснований жизнедеятельности у дочеловеческих видов.

Первоначальное оформление морали происходит как возникновение запретов, распространяемых на сферу межполовых взаимодействий. В дальнейшем система моральных нормативов разветвляется и распространяется на все виды жизнедеятельности, и, в силу множественности опосредований становится неочевидной изоморфная связь каждого и всякого морального постулата с его первоначальным основанием, с сексуальностью. Но такая связь всегда существует. Она заключается не в том, что каждое поведенческое действие человека в конечном итоге сводится к межполовым взаимодействиям, а в наличии функционального единства всех видов деятельности.

Повторюсь, запрет инцеста на субъективном уровне никак не мотивирован. У него нет никаких логических оснований, и в индивидуальном сознании он отражается как некоторая внешняя по отношению к жизнедеятельности индивида аксиома, которой он вынужден подчиняться независимо от своих желаний и потребностей. Поэтому запрет реализуется по форме сходно с генотипическими регламентами. Но мы уже видели, что запрет имеет совершенно другие, неочевидные цели - через него вводится нарушение

принципа биологической автономности, так как он предполагает не прямое, отсроченное, опосредованное удовлетворение потребности и тем самым служит строительству социального контекста взаимодействий. Можно предположить, что, расширяясь и распространяясь на всю сферу межполовых взаимодействий, запрет приобретает личностную мотивацию, становится логически понятным, так как одновременно с этим развиваются социально иерархизированные формы отношений и их вербальное отражение в языковых, а в последствии и в теоретических формах. Однако этого не происходит, если не считать достаточными ложные рационализации этического, религиозного или юридического характера.

В любых, вплоть до современных, этических системах присутствует конструкция множественного табуирования сексуальной активности по возрастным половым или культурным мотивам, которая существует в виде некоей само собой разумеющейся данности, изначально до всякой систематики всем понятной и потому не требующей никакого специального обоснования. Наличие и актуальность такой конструкции в немотивированной или недостаточно мотивированной форме указывает на то, что запрещаемая сфера отношений постоянно присутствует в психологическом контексте индивидов.

Фактически, сексуальная окрашенность поведения и есть та актуальная реальность, которая требует своего преодоления для достижения потенциально возможных, но гипотетических образцов поведения, сформулированных в этической системе как высокоморальные. В обыденном сознании эта проблема отражается в декларируемом достаточно часто отношении к сексуальности как к животным проявлениям, постыдным и осуждаемым. Это же относится и ко всем другим витальным проявлениям, но сексуальность, в силу своей особой значимости, порицается моралью более строго и явно. Парадоксальность такого осуждения тем более понятна, если учесть, что сексуальность в тех или иных формах неизбежно присутствует в жизни каждого индивида, независимо от того, насколько нетерпимы к её проявлениям его теоретические убеждения. Возникает естественный вопрос: для чего человек отрицает то, что заведомо не подлежит его контролю?

Но нелогичность здесь кажущаяся и ответ вполне очевиден. Он заключён в соотносённости приоритетов развития социальных и биологических форм развития. Примат социальности в общественном сознании (в индивидуальном его присутствие необязательно) носит утилитарный характер и поэтому социально опосредованное целеполагание одобряется моралью и предполагает соответствующее одобрение только тех сторон жизнедеятельности индивида, которые подтверждают эту утилитарность. Мораль и возникает и развивается как общественная, небиологическая форма отражения, поэтому она по определению не может быть объективной и представлять социальные и биологические тенденции как равноправные и равнозначимые в развитии. Биологические формы жизнедеятельности будут терпимы до тех пор, пока они не будут противоречить реализации социальных закономерностей.

Сексуальность не исчезает в морали полностью. Рассуждая об отсутствии мотивированности запрета, следует разделить проблему. Запрет немотивирован, если вопрос стоит так: почему запрет возник? Но зато есть достаточная мотивация относительно целей запрета, то есть - для чего он нужен? (речь, разумеется, идёт не о мотивации, присутствующей в обыденном сознании) сексуальность в этических формах сознания никогда не запрещается полностью, как таковая. Запрещаются лишь те её формы, которые уходят корнями в биологическую функциональность (исключение составляет всё, что связано с детородной функцией), запрещается то, что принято называть сексом, физиологическая сторона половых взаимоотношений. Но запрет был бы недействительным и он вообще вряд ли возник бы, если бы табуируемый физиологический аспект не был в морали компенсирован соответствующим увеличением противоположного. Кроме негативного императива в морали есть и позитивный образец, так называемая "любовь в высоком смысле".

Понятие любви выводит сексуальность из плоскости непосредственных физических контактов в более абстрактный контекст психологических взаимодействий, опосредованных прежде всего социальными знаковыми и ритуальными смыслами. Сексуальность перестаёт быть формой удовлетворения только витальных потребностей индивида, она становится важнейшим средством межиндивидуального общения и, одновременно, стимулом к усвоению социальных закономерностей. Сексуальная функция приобретает форму противоречия, так как уже ни одна из альтернативных форм отправления функции - физиологическая или психологическая - в отдельности не удовлетворяет потребность полноценно.

В этическом сознании это разделение не представлено, и понятие любви определяется индуктивно, как некий нерасчленимый ценностно-этический комплекс, не имеющий мотивации и существующий в форме аксиоматического императива, предполагающий не рефлексирование, не анализ, а действие, направленное на стремление к достижению образца. Понятие любви получает значение критерия жизнедеятельности индивида и личностной ориентации сознания.

В объективном смысле понятие любви присутствует как некоторая культурная фикция. Этот своеобразный ноумен декларируется как адекватная и сверхадекватная замена запрещённого физиологического сексуального совокупления, как единственная цель межполовых взаимодействий. Конечно, секс присутствует и в этой образцовой норме, но, во-первых, он здесь объявляется второстепенным, неопределяющим моментом, а, во-вторых, за такой, разрешённой нормой секс, приходится слишком дорого платить, так как в реальности достижение идеального норматива любви практически невозможно - он ведь конкретно никак не сформулирован, а без такого достижения физиологическая сторона сексуальности всегда будет восприниматься как ущербная и аморальная. Окончательно разделаться с биологической составляющей функции сексуальности мешает лишь то, что без этой стороны невозможно производство жизни. Пока невозможно.

Мораль как форма общественного сознания инициируется развитием социума, который только и может быть субъектом морали. Освободиться от моральных нормативов индивид способен только парадоксальным образом, приняв нормативные ограничения, подчиняясь им и жертвуя своей индивидуальностью. Таким образом, мораль продуктивна только в отношении социальности. Отсюда можно сделать вывод о том, что этическая система, регулирующая взаимодействия индивидов, враждебна по отношению к человеку и реализует цели, внеположные его интересам. Однако это неверно. Мораль направлена не против индивида и его личностной организованности, как это может показаться. Деструктивному воздействию подвергается только биологическая составляющая жизнедеятельности, шире - биологическая системность живой природы. Индивид в этом противостоянии страдает в силу своей внутренней амбивалентности, принадлежности одновременно и к биологическому, и к социальному миру, в силу невозможности полной адаптации к социальному развитию, к интенсивности, ускоренности этого развития.

Развитие морали коррелирует с развитием противоречия между биологической и социальной системностями и является, в определённой мере, его следствием. Неоднозначно поэтому и соотношение негативных и позитивных последствий для человека этической нормативизации жизнедеятельности. На ранних этапах цивилизации в морали отражалась недостаточность развития социальных механизмов и необходимость их строительства как структур, облегчающих и обогащающих жизнедеятельность. Это делало приемлемыми и достаточно мотивированными строгие этические ограничения с точки зрения отдельного человека. Мораль представлялась основательным и разумным компромиссом между биологическим и социальным началами. В дальнейшем, как мы уже видели, социум обретает собственное автономное развитие, свою субъектность, начинает интегрироваться и усложняться независимо и часто вопреки возможностям и целям человека. Вместе с этим меняются и функции морали, которая перестаёт быть средством субъектного воздействия человека на условия своего существования и становится средством адаптации человека к социуму, как к системе более цельной и обширной, чем он сам. То есть, мораль постепенно становится способом защиты человека от общества. Традиционные этические системы при этом ветшают и разрушаются. В качестве примера можно привести христианские Десять заповедей. Они по-прежнему могут восприниматься как непреложные, но ни их количество, ни содержательность, ни универсальность уже не удовлетворяют современным, качественно отличающимся от библейских времён, условиям жизни.

Сексуальные запреты объясняются тем, что, будучи изначально двойственной, сексуальная функция не может принципиально быть приведена к единству, не может стать однополярной, ориентированной на развитие только социального контекста. Она постоянно вмешивается в социальные взаимодействия, нарушает их системность и сдерживает развитие. Все остальные биологические функции в этом смысле нейтрализуются гораздо проще. Удовлетворение связанных с ними

витальных потребностей возможно через социум, то есть, минуя непосредственные, неотсроченные контакты и субъект-объектные взаимодействия с предметом потребности. Заложенный в них принцип автономности не противоречит социальности, но, наоборот, снимается и способствует её развитию.

Эти потребности могут удовлетворяться опосредованно, через социальные механизмы. Чтобы удовлетворять постоянно голод и жажду индивиду не нужно охотиться и рыть колодцы, ему достаточно просто быть участником экономических отношений и производить нечто, что ему самому чаще всего не нужно, что он сам потреблять не будет. Таким образом, занимаясь воспроизводством своего биологического тела, человек, одновременно, занят производством социума. Результат такого опосредованного обмена многократно выше результатов непосредственного обмена в рамках биологической системности. И только лишь отправление сексуальной функции осуществляется всегда без социального посредничества, непосредственно. Индивид выступая в сексуальном контакте в роли биологического организма, взаимодействует со своим партнёром как с биологическим же организмом. Социум оказывается бессильным в утилизации этой биологической функции.

Но это вовсе не означает, что социальность никак не вторгается в сферу интимных отношений. Мы уже видели, что на уровне этического сознания осуществляется попытка подмены целенаправленности функции и сведения её к однозначности, к ориентированности на социальную составляющую и элиминации противоположной, биологической. Межполовые взаимодействия ритуализируются в результате запрета первоначально на инцест, а затем и на всю биологическую часть сексуальных отношений. Удлинение сроков раннего онтогенетического развития особи приводит к выравниванию биологической и социальной составляющих сексуальной функции, а впоследствии и к растущему преимуществу последней. Однако, это не единственная причина возникновения околосексуальной ритуальности, вернее, только один аспект проблемы.

Повышение требований к социализации индивидов есть следствие интеграции общества в самостоятельную системность. Усложнение взаимодействий на уровне социума усложняет способы адаптации индивида к обществу, усложняет также и его внутреннюю личностную структуру. Растущая множественность внутрисоциальных связей приводит к специализации социальных функций, а это предполагает изоморфную ей специализацию ролей индивидов как социальных операторов. Биологически обусловленная жизнедеятельность индивидов становится специфическим фрагментом их жизненного пространства, который уже не является определяющим и единственным, но - дополнительным по отношению к более обширной и структурированной системе социальных связей.

Если в биологической части адаптация индивида к сообществу гарантирована видовым генотипом и осуществляется вне зависимости от качеств индивидуального опыта, то интеграция в социальные взаимодействия почти

целиком зависит от его онтогенетического развития и осуществляется через обучение, которое большей частью сводится к освоению ритуалов социального, кооперативного поведения. Усложнение социальных структур ведёт к усложнению ритуалов, их обеспечивающих, а это последнее - к удлинению сроков обучения, его интенсификации и к ужесточению запрета на биологические проявления сексуальности. К изучению ритуалов можно вполне отнести и освоение конкретных знаний как гуманитарных, так и естественнонаучных, ведь освоение подобных навыков, в конечном итоге, ведёт к более полноценной адаптации в обществе.

Созревший физиологически индивид становится полноценной и автономной особью, имеющей возможности самостоятельно и продуктивно отправлять свои витальные потребности, в том числе и сексуальные. Но социальное созревание человека значительно (и прогрессирующе) отстаёт от биологического. Необходимость искусственного выравнивания этих сроков объясняется особенностями личностной организации, которая опирается прежде всего на амбивалентность индивида, на его ориентированность одновременно на обе системности - биологическую и социальную. Только это делает человека субъектом волеизъявления: в каждом конкретном случае он может предпочесть решение ситуации, основанное либо на биологических, либо на социальных закономерностях, согласно его представлениям о выгоде того или иного решения. Но в обыденной жизни человек очень редко сталкивается с выбором такого высокого уровня, почти всегда выбор очень конкретен и все варианты возможностей лежат в одной плоскости. Нам важно здесь то, что сама возможность выбирать появляется тогда, когда возникает внутривидовое противоречие и изоморфное ему противоречие внутриличностное.

Экспоненциальное развитие социальной системности относительно биологической в какой-то момент должно привести к разрыву между двумя принципами, к утрате человеком его амбивалентности, обеспечивающей его собственное развитие. Человек предстанет перед глобальным выбором: либо полностью отказаться от биологической функциональности, которая мешает его развитию, либо, наоборот, отказаться от заведомо проигранной гонки и попытаться сохранить именно биологическую функциональность, как более органичную в такой ситуации. Но оба выхода оказываются практически невозможными.

В первом случае, в силу ограниченности биологического, телесного носителя обменных и информационных процессов человек принципиально не может стать небиологическим или надбиологическим существом. Во втором - из-за того, что в процессе социальной истории сбалансированность и единство биологических функций человека было в значительной степени нарушено и вне социума он существовать уже не может. Логическая же невозможность заключена в том, что, лишаясь своей двойственности, которая и предопределила когда-то особый статус человека в ряду прочих биологических видов, человек потеряет этот

статус, свою личную системность на уровне индивида, а вместе с ней - возможность выбора способов взаимодействия с окружающим миром.

Постепенно ритуальная основа жизнедеятельности индивида, обеспечивающая связи между двумя системностями, позволяющая существовать одновременно в двух противоположных контекстах, становится чрезвычайно громоздкой, затрудняющей ориентацию индивида в жизненном пространстве. Возможность выбора по сути утрачивается, становится фиктивной, а сам выбор - вынужденным, предопределённым. Специализация индивидов как социальных операторов сужает жизненное пространство каждого из них, так как зона компетентности индивида распространяется только на сферу деятельности, определённую его социальной ролью. Этим же исчерпываются возможности сообщения с себе подобными: индивид может вступать в продуктивные кооперативные контакты только с теми индивидами, которые отправляют ту же, что и он социальную функцию или функции, сопредельные ей. Возникает проблема отчуждения индивидов друг от друга, проблема одиночества.

16

Можно бесконечно описывать негативные тенденции в современном обществе, возникающие в результате растущих требований к социализации жизнедеятельности индивида, но сами по себе эти темы достаточно широко и подробно освещаются в литературе. Нас же они интересуют в специфическом ракурсе развития сексуальной функции. Сексуальность, в отличие от всех остальных биологических функций, так до настоящего момента и не была утилизирована в пользу социальной системности. Принцип кооперативности взаимодействий не подавил в этой области принцип биологической автономности. Сексуальность по-прежнему, как и в начале человеческой истории, остаётся сферой жизнедеятельности, реализующейся через своё собственное локальное противоречие двуполости биологического вида. Но при этом меняется внутреннее соотношение составляющих сексуальности. Ритуальное наполнение межполовых взаимодействий усложняется и биологические контакты затрудняются, несмотря на то, что именно эта сторона функции в процессе эволюции приобрела неспецифический статус и стала важнейшим фактором жизнедеятельности индивида. Я имею в виду круглогодичную половую активность, конечно же. То есть, сексуальная функция в целом остаётся на неизменном уровне, подавляется лишь её часть - биологическое основание, а за счёт этого гипертрофируется противоположное социальное основание.

Социализация всё же происходит, но не социализация функции как таковой, а её внутренняя переориентация. Однако полное перерождение невозможно до тех пор, пока через сексуальность будет, во-первых, осуществляться производство биологической жизни - это объективный момент, а во-вторых, индивид, совершая половой акт, будет получать специфическое физиологическое удовольствие, не достижимое никаким другим способом - момент субъективный. И то и другое пока что недостижимо в рамках любых

социальных институтов, поэтому сексуальность остаётся амбивалентной функцией, оплотом защиты личностной организации человека, его уникальности в качестве биосоциального явления природы.

Современное развитие сексуальности подошло к той критической точке, когда стороны противоречия поляризованы максимально и дальнейшая эволюция оказывается невозможной, так как противоречие начинает терять своё качество, становится непродуктивным антагонизмом. Проблема заключена, конечно же, не только и не столько в сексуальности. Теми же точно словами мы можем описать и состояние более общего противоречия между биологической и социальной системностями, но мы сужаем ракурс до рассмотрения отдельной функции, так как её развитие отражает в достаточной мере общую историческую проблематику. Исследуя эту функцию мы остаёмся в рамках антропоморфного контекста, выход за которые может и дал бы более полноценные результаты, но он связан с риском потери устойчивых ориентиров и критериев, обладающих достаточной валидностью, многократно усложнил бы исследование. К тому же, мы знаем, что человек постепенно теряет качество субъектности в историческом развитии, и можем предположить, что в нарождающемся новом противоречии более высокого уровня организации субъектная функция будет принадлежать качественно иному, в отличие от человека, явлению, описать которое правильно мы не сможем в силу объектности, страдательности нашей позиции по отношению к этому новому субъекту.

Утверждение о том, что развитие сексуальной функции подошло в настоящее время к критической точке, можно проиллюстрировать на примере феномена так называемой "сексуальной революции". Наличие реальности, описываемой этим понятием, не вызывает сомнений, однако сам термин следует признать крайне неудачным, так как он описывает процессы, если и революционные, то направленные не в сторону развития, а, наоборот, деградации - рекуррентно-защитные реакции биологической системности. Но я буду пользоваться этим термином как общепринятым.

Под сексуальной революцией обычно понимают как стихийное разрушение системы этических нормативов, регулирующих межполовые отношения, так и отказ индивидов от ритуального оформления сексуальных контактов. Причины этих деформаций чаще всего видят в частных перекосах экономического, политического или религиозного развития в данном конкретном обществе, или просто без всяких логических обоснований обвиняют молодое поколение в распущенности, объясняя это растущим материальным благополучием, лёгкостью жизни и т.п. мы не будем рассматривать такие точки зрения как наивные.

Революционность сексуальной революции заключена не в раскрепощении сексуальной функции, как принято считать, а в реакции на степень поляризации составляющих противоречия внутри сексуальности, при которой функция теряет своё единство, интегрированность, прекращает развиваться и перестаёт

быть самодостаточной системой. Сексуальность утрачивает своё особое значение в ряду факторов развития биосоциальных взаимодействий, перестаёт быть связующим звеном между биологической и социальной реальностями и фундаментом личностной организации человека. Она разделяется на две самостоятельные подфункции, каждая из которых уже не представляет собственной системности и подчинена системности более общего порядка - либо биологической, либо социальной.

Но даже не в этом заключается причина тех изменений, которые мы называем сексуальной революцией. Внутренняя противоречивость сексуальной функции лежит в основании амбивалентности личностной структуры психики индивида. На уровне личности происходит точно такая же поляризация форм сознания, направленности мотиваций, целеполагания, интуитивных довербальных и дискурсивных способов мышления. Структура личности становится всё более антиномичной, оценочный аппарат "чёрно-белым", и тем самым затрудняется её субъектная деятельность, редуцируется осознание собственного самодетельного Я. Возникает ситуация, когда возможность выбора не допускает никаких компромиссных решений, и выбирать можно только из двух абсолютов, каждый из которых заведомо не адекватен ситуации в реальной действительности. Расстояние между биологическим и социальным становится непреодолимым, и потому само наличие выбора - фиктивным, так как, выбирая один из абсолютов, индивид отрицает абсолют противоположный и тем самым разрушает единство противоречия, отрицает сам этот выбор и основанную противоречии же структуру собственной личности. Личность становится внутренне бесконфликтной, ненапряжённой, теряет самостоятельную системность, функцию субъектного целеполагания.

В реальности это проявляется в виде невротизации индивидуальной психики, возникновения шизоидной расщеплённости сознания, дробности, фрагментарности в отражении окружающего мира. Личность перестаёт быть моделью вселенной и представляет собой обрывочную и незакономерную её проекцию. Снижается уровень адекватности оценок и основанных на них актов деятельности. Индивид в такой ситуации не может вполне полагаться на собственное осознание действительности и поэтому попадает в зависимость от внешних, заведомо неизвестных ему закономерностей, не подтверждённых его индивидуальным опытом. Предлагаемая ему социальная роль почти всегда имеет высокую степень специализации, в силу чего сужаются как его внутренний мир, так и представления о внешнем. Развитие социальной системности начинает представляться ему хаотичным, незакономерным и поэтому угрожающим, потенциально катастрофичным.

Сексуальная функция может служить индикатором этих процессов. В сложных переплетениях общественных связей, в которых задействован каждый индивид, далеко не всегда очевидна их опосредованность глобальным противоречием между социальной и биологической природой, жизнь чаще представляется множественной, а не единой. В сексуальности это противоречие диагностируется достаточно легко.

Отправление сексуальной функции становится всё более опосредованным и сложным. Ритуальная оформленность полового контакта разрастается до труднопреодолимых размеров, а область непосредственного физиологического взаимодействия, соответственно, снижается и сходит на нет. Сексуальные отношения постепенно превращаются в комплексную многоступенчатую процедуру. Их биологическая целесообразность отступает на задний план, основную же регулирующую роль начинает играть критерий реализованности социально опосредованных околосексуальных ритуалов. При этом деградирует не биологическая сторона внутреннего противоречия сексуальной функции, но сексуальность в целом, так как на уровне индивидуального сознания биологическая целесообразность межполовых отношений никогда не может быть полноценно замещена целесообразностью социальной.

Сексуальная революция возникла как реакция на возрастающую социализацию сексуальной функции. Её лозунгами были отказ от пуританской морали и свобода сексуальных контактов. Но за этими декларациями стояли более глубокие и общие процессы, не нашедшие адекватного словесного воплощения. Сюда прежде всего нужно отнести попытку - возможно, отчасти удавшуюся - восстановления биполярности сексуальной функции.

Оценка хода и результатов сексуальной революции была в основном отрицательной. Это можно объяснить реакцией обывателя на её пугающие экстремистские проявления. Однако и более серьёзный анализ приводит примерно к таким же выводам: сексуальная революция так и не состоялась, её возможные, хотя и не продекларированные цели достигнуты не были.

Сексуальная революция не имела глобального характера. Этические нормативы отрицались не как таковые, но только те их комплексы, которые затрудняют реализацию биологической составляющей сексуальной функции. Определённое раскрепощение нравов и трактовок сексуального поведения, достигнутое в процессе революции, не привело и не могло привести к восстановлению равновесия во внутреннем противоречии сексуальной функции, результат был, скорее, обратный. Каждый отдельный индивид получил формальную возможность в конкретных ситуациях межполовых контактов отказываться от тех или иных социально опосредованных правил, затрудняющих отправление биологической потребности. Сексуальные отношения благодаря этому могут значительно упрощаться. Но это достигается за счёт отказа индивида от полноценного освоения социальных связей, так как мы уже видели, что через околосексуальные ритуалы в основном и происходит социализация индивида и адаптация его к обществу. Частичный или полный отказ от ритуального оформления полового акта не только упрощает этот акт, но также упрощает восприятие индивидом окружающей действительности, а на фоне экспоненциального усложнения социальных связей это упрощение означает снижение глубины мировоззренческой ориентации личности.

Возникшие изменения в отношении к сексуальности имеют устойчивый характер. Они нашли подтверждение в изменении этических нормативов, в

трансформации и частичном снятии общего запрета на сексуальность. Такие перемены можно было бы отнести к положительным результатам сексуальной революции, но эта победа эфемерна, так как современный уровень развития социума характеризуется уже прямым императивным воздействием на индивида, минуя любые существующие моральные кодексы. Современное общество имеет уже собственные цели развития, противостоящие целям развития человека как вида.

Главным же результатом сексуальной революции было то, что социализация сексуальной функции, как это ни парадоксально, поднялась ещё на одну ступеньку. Дело в том, что ослабление общего запрета открытости сексуальных проявлений было очень скоро материально воплощено в эротизации и порнографизации проявлений массовой культуры. Порнография даёт индивиду образцы облегчённого сексуального поведения, лишённого ритуальности и направленного на отправление только биологической составляющей сексуальной функции. Это значительно упрощает межполовые взаимодействия, но, одновременно, лишает индивида возможностей для уникальных проявлений, стандартизируя половой акт, выхолащивая его до удовлетворения одной лишь витальной потребности. Массовое тиражирование таких образцов приводит индивида к необходимости воспроизводства этих и только этих моделей. У индивида исчезает необходимость в нестандартном поведении, так как в его распоряжении находится неограниченное число моделей, превосходящее его возможности воспроизведения. Тем самым сексуальность из биосоциальной потребности становится сначала просто биологической, а затем превращается в биологическую сверхпотребность. Навязанную индивиду социумом.

17

Общественные формы сознания, несмотря на свою большую, по сравнению с индивидуальными, степень обобщённости, также постепенно специализируются и теряют адекватность и универсальность отражения. Существование всеобщей модели развития, включающей одновременно все его элементы, становится всё более проблематичным. Здесь достаточно упомянуть факт наличия в настоящее время множества даже философских систем, каждая из которых в той или иной степени претендует на концептуальную всеобщность, но каждая из которых противостоит всем остальным. Причём, принципиальность различий состоит уже не только и не столько в отношении к основным глобальным вопросам философского дискурса, которые во многих теориях даже не упоминаются, а в праве произвольно выбирать темы для систематизации. Такой плюрализм заставляет усомниться в самом статусе философской картины мира.

Человек оказывается между двумя типами системности и, одновременно, вне их обоих. Он принадлежит и к той и к другой, но при этом не может полноценно осуществлять ни одну из них. Сохранение уникального статуса для человека возможно только в условиях относительной сбалансированности двух противоположных закономерностей. Когда одна из них начинает явно преобладать в противоречии, человек не в состоянии оставаться материальным

носителем и воплощением противоречия, так как само оно получает новое качество, и более ускоренная системности, развиваясь, переходит в состояние нового противоречия, порождая из себя новое, ещё более ускоренное начало, отрицающее её самое.

Принцип автономности, отнесённый мной к характеристике биологической системности, на самом деле универсален. Он описывает динамику объектной функции любого и всякого противоречия. Точно так же, как и принцип кооперативности распространяется на любую субъектную функцию. Предмет нашего рассмотрения есть лишь частный случай развития, его антропоморфный аспект. Сексуальность интересует нас только в той мере, в какой в ней проявляется всеобщее свойство противоречивости. В этом смысле сексуальность представляет собой чрезвычайно удобный объект изучения, так как в антропоморфном контексте никакая другая биологическая или социальная функция не привязана так показательно к обеим типам системности и не представляет собой достаточно автономное противоречие, которое остаётся таковым на всех этапах противостояния человека как биологической природе, так и социуму. Поэтому разрушение заключённой в сексуальной функции противоречивости может служить критерием видовой функциональной целостности человека и говорить о том, что эволюционный ресурс вида в случае дальнейшего развития актуальных в настоящий момент тенденций либо уже исчерпан, либо близок к этому.

Такой вывод подтверждается и результатами сексуальной революции. Собственно, основным, если не единственным, её лозунгом был призыв к разрушению социальных запретов на открытые сексуальные проявления. Апологеты этого движения ссылались на ханжество пуританской морали и неспособность обывателя отказаться от уже умерших пустых традиций. Но всё это демагогия, и позиции сторонников сексуальной раскрепощённости так же неосновательны, как позиции её противников. Они отражали не осознанную мировоззренческую концепцию, а стихийную реакцию на внешний порядок вещей, сложившийся независимо от того, как он отражается и в индивидуальном и в коллективном мышлении, и, более того, это отражение регулирующей.

В этике никогда не было аналитического обоснования запретов на сексуальные проявления. Запрет существовал как объективная необходимость и вынуждался общими тенденциями развития. Он всегда формулировался на основании частных закономерностей - религиозных, политических, экономических, вплоть до медицинских. Можно проследить его развитие, начиная от полигамии, когда он существовал, по всей вероятности, только в форме зарождающегося запрета на инцест, до средневековой ортодоксальности, когда запрету подвергались любые проявления сексуальности вне брачных отношений, а затем и до настоящего момента, когда запрет вновь размывается и теряет свою императивность. Мы можем отметить цикличность процесса, которая свидетельствует о прекращении его развития. Разрушение запрета не приводит к восстановлению значимости сексуальной функции, а, наоборот, фиксирует

возникший внутри неё устойчивый антагонизм. То же можно сказать и об искусственном его воссоздании. В современном обществе две эти тенденции присутствуют равноправно, а это указывает на то, что сексуальная функция перестала быть регулятором взаимодействий биологической и социальной системностей.

Примечания

¹⁾ Это противоречие активно используется в идеологии движения эмансипации. Здесь справедливо указывается на то, что распространение социальных ролей в актуальных сообществах в большей или меньшей степени строится на смешении социальной и биологической компонент, вернее, на подмене социальной составляющей биологической. Однако в реальной жизни чрезвычайно сложно разделить две эти структуры. Выходом из тупика могло бы стать радикальное изменение социального института семьи, однако пока что мало кто готов им пожертвовать, хотя очевидно, что современное общество эволюционирует именно в этом направлении.